

Дмитрий Каралис

Литературный альбом: Москва - Санкт-Петербург

Классики

Наставники

Коллеги

Друзья

Санкт-Петербург — 2024 г.

Дмитрий Каралис
Литературный альбом: Москва
– Санкт-Петербург. Классики.
Наставники. Коллеги. Друзья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094128
SelfPub; 2024*

Аннотация

Книга известного петербургского писателя охватывает отечественную литературу от пушкинских времен до наших дней. Изящные эссе о Пушкине, Гоголе, Лескове, Булгакове, Горьком и других классиках, плавно перетекают в недавнее прошлое и настоящее литературы двух столиц. Д. Гранин, В. Конецкий, Б. Стругацкий, Г. Горбовский, Ю. Поляков, Л. Аннинский, А. Житинский, А. Битов, С. Альтов, Д. Аль, С. Есин... – далеко не полный список персонажей, населивших уютную и добрую книгу Дмитрия Каралиса, прозаика, публициста, сценариста и лауреата международных и общероссийских литературных премий, о прозе которого Борис Стругацкий сказал просто и весомо: «Читать Дмитрия Каралиса – одно удовольствие...»

Содержание

Литература – охранная грамота России!	4
Раздел I. Классики	6
1. Дерзкий мальчишка... (Александр Пушкин)	6
2. Живая душа автора «Мертвых душ» (Николай Гоголь)	10
3. Подальше от Невского! (Н. С. Лесков)	16
4. Время Горького еще не наступило	22
5. Другой Булгаков	26
6. Зачем звонит колокол? (А. Герцен)	34
7. Талантливый враг Советской власти (Аркадий Аверченко)	37
Раздел II. Наставники, коллеги	45
1. Даниил Гранин. За все благодарю!	45
2. Борис Стругацкий: "Читаю много, но по обязанности"	118
3. Герой нашего времени (Виктор Конецкий)	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Дмитрий Каралис

Литературный альбом:

Москва – Санкт-Петербург.

Классики. Наставники.

Коллеги. Друзья

**Литература – охранная
грамота России!**

Эта книга заставила вспомнить школьные сочинения на тему «Какую книгу ты взял бы в космос?». Ну, в космос меня уже не пустят, а вот на дачу или в путешествие я с удовольствием взял бы книгу, которую вы держите в руках.

В этой книге Дмитрий Каралис собрал замечательную компанию из двух десятков человек, распределив ее по комнатам-этажам. Рассказы о наставниках – Д. Гранине, Б. Стругацком, В. Конечком сменяются интервью и беседами со знаменитым поэтом Глебом Горбовском, прозаиком Андреем Битовым, руководителями писательских союзов Валерием Поповым и Борисом Орловым, литератором-многостаночником Юрием Поляковым, тонким сатириком Семеном Аль-

товым, вдумчивым православным писателем Николаем Коневым, драматургами Людмилой Разумовской и Александром Образцовым, правнуком классика Дмитрием Достоевским, детским писателем Валерием Воскобойниковым и др.

Читать книгу одно удовольствие – ты чувствуешь высокий ход мыслей и чувств, испытываешь чувство гордости за нашу литературу и ее создателей.

Доброго вам чтения!

*Александр Казин, писатель, доктор философских наук,
научный руководитель Института истории искусств
Министерства культуры РФ.*

Раздел I. Классики

1. Дерзкий мальчишка... (Александр Пушкин)

В Александре Пушкине сошлись: дерзкий мальчишка – весельчак и проказник, вдумчивый публицист, гениальный поэт и прозаик, отчаянный дуэлянт, пылкий любовник, заботливый муж, русский дворянин с арабскими корнями, патриот России и критик деспотизма, верующий и атеист, азартный игрок в карты и кропотливый историк...

Все, что написал Пушкин, может быть процитировано большинством русских людей с удовольствием, как свои собственные мысли и чувства. Хотя бы это, из стихотворения «Клеветникам России», написанного в 1831 году в ответ на антирусскую кампанию, поднятую во французской прессе, и призывы к войне с Россией:

...Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

.....

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Так или иначе, каждый русский человек воспитан на его произведениях, носит в душе частицу его творчества: кто-то помнит несколько строчек: «Москва... как много в этом звуке // Для сердца русского слилось! // Как много в нем отозвалось!», кто-то читает наизусть всего «Евгения Онегина», кто-то, сам того не ведая, цитирует крылатые пушкинские строки: «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» Пушкин и по сей день, в год своего двухсот восьмого дня рождения, является одним из наиболее цитируемых авторов, его произведения переведены на добрую сотню языков.

Считается, что в области прозы у Пушкина почти не было предшественников. И. С. Тургенев писал о Пушкине: «Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу». Пушкин решил задачу историческую: навел порядок в молодой русской литературе и стал ее родоначальником. Тот блестящий успех, который выпал русской литературе в последующие годы и века, бесспорно, заложен литератором-революционером Пушкиным.

Современники Пушкина не сразу оценили реализм, ясность, непринужденность стиля и высокую художественность его простоты. «Прелесть нагой простоты, – писал он, –

так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями... Поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем». Тяжесть словесных конструкций, доставшаяся русскому литературному языку от церковнославянских форм и устаревшего классицизма, была заменена Пушкиным языком живым, внятным, образным, доступным всем сословиям. Создание норм национального литературного языка – уже этого одного хватило бы, чтобы назвать Пушкина гениальным.

Записок, воспоминаний, рассуждений, догадок и предположений о жизни и смерти великого поэта написано в миллион раз больше, чем собственно пушкинским пером. К какой-нибудь пушкинской рабочей тетради толщиной в мизинец изданы тома комментариев. Каждое поколение филологов-пушкинистов заново разбирается в рукописях поэта и через поправки, наброски, рисунки и цвет чернил пытается исследовать душевные порывы и ход творческой мысли поэта. Сам же Александр Сергеевич, словно специально к этому случаю, написал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Почему подробности жизни Пушкина и ход его мыслей привлекают пристальное внимание?

Судьба Пушкина, гордый образ его жизни, удаль, дерзкие слова, не раз сказанные в лицо власти, легкость и ясность мысли, жажда справедливости – вполне в духе русского на-

ционального характера. По русскому счету герой не тот, кто изо дня в день по крупицам собирал богатство, чины и должности или высиживал за письменным столом скучные тома нравоучительных историй, – русский герой подобен комете, вспыхнувшей на небосклоне.

Таков был Пушкин.

2. Живая душа автора «Мертвых душ» (Николай Гоголь)

Еще при жизни Гоголя персонажи «Мертвых душ» сделались именами нарицательными: коробочки, плюшкины, маниловы... Это ли не награда для писателя? Но Гоголь относился к своей наделавшей шума поэме иначе. Приблизившись к возрасту Иисуса Христа, он начинает стыдиться написанного. Пытается уйти в монастырь, путешествует в Иерусалим, чтобы провести в молитвах ночь у Гроба Господня, два раза переписывает и сжигает вторую часть поэмы...

Конфликт между желанием очистить душу для светлой духовной прозы и даром сатирика, навязчивой потребностью высмеивать недостатки общества – этот кризис поразил Гоголя во время написания «Мертвых душ» и тянулся до самой смерти.

...Летом 1840 года Гоголь пережил в Италии душевную болезнь, ослабившую весь организм. После тяжелых приступов тоски, во время которых он уже приготовился к смерти и написал духовное завещание, ему последовали «видения» и «чудное воскресение». Гоголю открылось, что его жизнь «нужна и не будет бесполезна». Он предпочитает книги духовного содержания, много размышляет о чистоте души пишущего человека, с которого спросится многое и многое не простится. «Кто заключил в себе талант, тот чище всех дол-

жен быть душою», – писал в те времена Гоголь. Он впадает в аскетизм, всерьез думает о монашестве и склоняется к выводам, которые делали и другие творческие люди: «Гений и злодейство несовместимы», «Искусство должно сближать людей, а не увеличивать ненависть», «Без Бога литература не искусство, а вид заработка» и т. п.

В мае 1842 года в Москве выходит в свет первый том поэмы «Мертвые души» и вызывает шквал критических стрел в печати. Булгарин обвиняет Гоголя, что тот явил обществу «особый мир негодяев, который никогда не существовал и не мог существовать». Молодые читатели восторгаются языком и живостью персонажей, смелостью автора в изображении России. По поводу поэмы кипят нешуточные страсти. Гоголя чуть ли не объявляют врагом народа и самодержавия, нахватавшимся от западных писателей критиканства, его называют жалким подражателем Диккенса и Поля де Кока... Лишь Белинский величает Гоголя «первым писателем современной России» и пытается, обходя цензуру, толковать «Мертвые души» с революционно-демократических позиций.

Гоголь скитается по Европе: Германия, Франция, Италия... Письма друзьям полны жалоб на здоровье и хандру. Он единственный понимает, что «Мертвые души» не дописаны, что Россия показана им лишь «с одного боку», и ему кажется, что теперь следует явить читателю героев самых замечательных, «одаренных божественными доблестями», чудо-богатырей духа и титанов практического дела. Белинский

называет эти замыслы фальшивыми, «потому что того и нет еще на свете»...

Гоголь в мучительных раздумьях. Да, отыскать в России героев положительных труднее, чем явить читателю плута и казнокрада. Он догадывается, что дело не только в отсутствии материала, но и в его собственной душе, которая не готова, не созрела для завершения замысла романа. В одном из писем поэту Н. М. Языкову он замечает: «Ты спрашиваешь, пишутся ли “Мертвые души”? Пишутся и не пишутся. ...Я иду вперед – идет и сочинение, я остановился, нейдет и сочинение».

Наступает очень трудный для Гоголя 1845 год. Его болезнь усиливается. Он принуждает себя писать, но получается скверно, душа противится написанному, и он почти ежедневно посещает церковные службы в русской посольской церкви в Париже. Отложив на время похождения Чичикова, он берется за книгу о Божественной Литургии, с целью ознакомить молодежь и начинающих прихожан храмов с накопленным опытом. Книга пишется легко и спокойно...

Летом 1845 года Гоголь живет во Франкфурте, и в один из ясных солнечных дней ему вдруг кажется, что он умирает: холодеют руки, возникает слабость, он пишет священнику записку с просьбой причастить его на дому. Священник застает его на ногах, находит его тревоги надуманными и приглашает к себе в Висбаден, где Гоголь, увидев в домашнем кабинете хозяина свои книги, признается, что не любит сво-

их прежних произведений и кается за них.

Буквально через пару недель после этого Гоголь сжигает свой пятилетний труд – рукопись второго тома «Мертвых душ». «Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество... к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости, – объяснялся он чуть позже, имея в виду первую часть своего сатирического романа, и рассуждал об ущербности второй части, сожженной: – Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши... путей и дорог к нему...» Не знаешь, куда вести, не веди; слепой не может быть поводырем.

Между тем душа Гоголя пребывает в постоянных трудах. И в 1847 году он вместо ожидаемой всеми второй части «Мертвых душ» издает написанную со страстью верующего человека книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга вызвала еще большую бурю, чем «Ревизор» и «Мертвые души», вместе взятые. Более всех был рассержен Белинский, надеявшийся, что своей поощрительной критикой он возвращает великого писателя-революционера, художника-бунтаря. Гоголь, по сути, языком публицистики сказал о России то, что ему не давалось сказать в романной форме через придуманных героев: о силе и бессилии молодого русского народа, который подобен растопленному металлу, еще не отлившемуся в свою национальную форму.

В 1848 году Гоголь совершает наконец давно задуманное паломничество в Иерусалим и проводит в страстных молит-

вах ночь у Гроба Господня. Но, по его собственному признанию, земное не сгорело в нем, он не стал лучше. В тот же год Гоголь возвращается в Россию и предпринимает несколько поездок в монастырь Оптиной пустыни, где он чувствует нисходящую на него благодать.

Роман движется, но не летит. Возникают мысли уехать на Афон и там закончить «Мертвые души». «Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо...» – признается Гоголь оптинскому иеромонаху Филарету.

Он молится и пишет... На новую редакцию второй части «Мертвых душ» уходят два года. Гоголь снабдил ее рассуждениями о добре и зле, явил в качестве положительного героя крепкого доброго помещика Костонжогло... Но перевязанные тетради ложатся на полку в шкафу его московской квартиры.

И вот приходит ночь на 12 февраля 1852 года. Ослабевший от болезни Гоголь долго молится в своей комнате и затем с помощью мальчика-слуги сжигает в печи тетради. Ложится на диван и плачет. О чем?..

Через девять дней Николай Васильевич Гоголь скончается в крайней степени духовного и физического истощения. В его квартире найдут черновики нескольких случайно уцелевших глав второго тома «Мертвых душ» и опубликуют их в 1855 году.

Гоголь писал свою поэму в прозе семнадцать лет и умер, не ощутив столь желанного для писателя хруста новых страниц в книжке. Его «Души» оказались вовсе не мертвыми, они написаны живой душой страдающего за свою страну человека и живут уже второе столетие. Их не заслонят ни Гарри Поттер, ни многочисленные персонажи гламурных и детективных сериалов.

3. Подальше от Невского! (Н. С. Лесков)

Литературная судьба Лескова удивительна. Великий мастер русского языка, автор «Тупейного художника», «Левши» и других замечательных романов, рассказов и повестей был на грани исчезновения из русской литературы.

Критик Писарев объявлял ему бойкот, пытался вытолкать из литературы. Косо смотрел на коллегу Салтыков-Щедрин. Не давал ходу Некрасов. Угрюмо молчал Федор Достоевский. Старался не замечать блестящего автора Тургенев. Лишь Лев Толстой, с которым писатель-разночинец состоял в переписке, не скрывал своих добрых чувств к самобытному художнику слова.

Чем провинился Николай Семенович Лесков перед литературными авторитетами 60-х годов XIX столетия?

Жизнь в провинции, служба в уголовной палате и коммерческая деятельность, во время которой он ездил по России, дали ему огромный материал. Городишки и села, переселенческие обозы, барки, канцелярии, поля, пыльные дороги, тюрьмы, трактиры и церквушки – вот где Лесков до тридцати лет постигал богатство и тайники русской души.

Приехав в Петербург уже сложившимся тридцатилетним человеком, Лесков столкнулся с литературной жизнью северной столицы и был разочарован. Интриги, суета, пусто-

словие, забота о казенной квартире с дровами и личном достатке легко уживались в литераторах с красивыми идеалами народничества и нигилизма. Он не увидел в большинстве столичных интеллигентов, пекущихся о народном благе, и доли той природной доброты, что доводилось ему видеть в простом народе.

Выросший среди простых людей, знавший, как никто другой, Россию, Лесков всегда шел против «течений», не желая примыкать ни к каким партиям. «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, – писал Лесков, намекая на коллег-литераторов. – Я вырос в народе...»

Начало его литературной деятельности в столице осложнилось тяжелой драмой. В мае 1862 года Лесков, уже известный столичной публике литератор, напечатал статью по поводу подозрительно частых пожаров, виновниками которых называли студентов. Тогда дотла сгорел Апраксин двор, выгорел участок у Пяти Углов, горели даже дровяные барки на Фонтанке... Народ подозревал в устройстве пожаров «лондонских пропагандистов», студентов и левых журналистов. Лесков, искренне желавший защитить молодежь, на которую буквально стали нападать на улицах прохожие, потребовал от власти либо представить ясные доказательства участия студентов в поджогах, либо опровергнуть клевету. Либеральная интеллигенция истолковала статью как враждебную, ее автор был назван провокатором, призывающим расправиться с вольнолюбивой молодежью. Ему не подава-

ли руки, на его имя поступали анонимки, Лескова называли участником «похода на социалистов». Писатель тяжело переживал случившееся, пытался опровергать свалившиеся на него обвинения, но, не имея ни опыта литературной жизни, ни могущественных друзей, все глубже увязал в чужой интриге.

Человек гордый и решительный, он хлопнул столичной дверью и укатил в заграничное путешествие – сначала в Прагу, а затем в Париж, где с неостывшей обидой написал роман «Некуда», вызвавший на родине еще большую неприязнь либерального лагеря. В отличие от романа Чернышевского «Что делать?», нигилисты Лесковым изображались довольно злостно.

Для писателя наступают трудные годы: он много пишет, печатается, его читают, но либералы пытаются отлучить его от литературы, замолчать и принизить его талант.

Второй, не менее злой антинигилистический роман «На ножах», выпущенный Лесковым уже в начале 1870-х годов, продолжал тему и смыкался в своей идейной близости с «Бесами» Достоевского. И опять – недовольство критиков.

Вскоре писатель напишет в письме И. Аксакову: «...печататься мне негде, на горизонте литературном я не вижу ничего, кроме партийной лжи, которую я понял, и служить ей не могу». Человек, хорошо знавший все российские сословия, Лесков одинаково скептически относился и к салонным революционерам, призывающим Россию освободиться от мо-

нархии, и к нарождающемуся капитализму, с его «банковским периодом», бессердечным чистоганом и падением нравов.

В начале 1880-х годов выходят «Архиерейские мелочи», в которых писатель приводит ряд неприглядных бытовых картин из жизни высшего духовенства. Теперь происходит буря в консервативном лагере. Лесков умудряется не понравиться всем. Правда жизни не устраивает ни романтическую молодежь, одержимую идеями народничества, ни зрелых людей, тоскующих по простому рецепту устройства общества, ни тем более революционную интеллигенцию, обличенную в его романах.

После злого романа «На ножах» Лесков вдруг превращается в иконописца: как замечал М. Горький, «он начинает создавать для России иконостас ее святых и праведников. Он как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством, опоздавшую жить, вшивую и грязную, вороватую и пьяную, глупую и жестокую страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными...»

Его современники – Гончаров, Тургенев, Лев Толстой, Достоевский – пишут много и разнообразно, Лесков же, словно прозревший, начинает двигаться в поисках здоровых начал российской жизни, возвышающих душу. «Русский человек за что бы ни взялся, все сможет», – подбадривает он своего читателя. Ни у кого из русских писателей мы

не встретим такого количества положительных героев. «Соборяне», «Левша», «Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Человек на часах»... Лесков превращается в писателя-моралиста, этим он близок Толстому и Достоевскому, но редчайший дар рассказчика, волшебный язык, которым он «читает проповеди», ставят его на совершенно особое место.

Лесков рекомендовал быть ближе к народной жизни, писать о России со знанием дела, а не руководствоваться лишь красивыми идеями. «...Всем молодым писателям надо выезжать из Петербурга на службу в Уссурийский край, в Сибирь, в южные степи... Подальше от Невского...» – писал он в одной из статей.

Творческий путь Лескова продолжался тридцать пять лет, и все эти годы, несмотря на недоброжелательность критики, он был любим читающей публикой. После его смерти оказалось, что автор изумительных и своеобразных вещей не имеет самостоятельного и почетного места в истории русской литературы. Либералы, не простившие ему критики народничества, даже после смерти замалчивали его талант, обходили стороной его творчество.

Историческую ошибку исправил Горький, чувствовавший себя во многих отношениях учеником Лескова. После революции 1905 года он разъяснил, что Лесков – «совершенно оригинальное явление русской литературы: он не народник, не славянофил, но и не западник, не либерал и не консерва-

тор». Его героев тянет не к отвлеченной идее, а к жизненной правде, к жертве во имя жизни. Именно в этом Горький видел связь Лескова не с интеллигенцией, а с народом, с «творчеством народных масс».

В статье 1923 года Горький решительно заявил, что Лесков как художник достоин стоять рядом с великими русскими классиками. С этой верительной грамотой классика Лесков был возвращен в литературно-книжный мир.

Скончался Николай Семенович Лесков 21 февраля 1895 года в возрасте шестидесяти четырех лет и погребен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петербурге.

4. Время Горького еще не наступило

Книги Максима Горького читались моим поколением скорее по необходимости, чем по велению души, хотя некоторые рассказы, пьесы, повести удивляли яркими романтическими героями и поражали необычными нравами, царившими в дореволюционной России. «Челкаш», «Детство», «В людях», «Мои университеты» отчетливо помнятся и по сей день. Большинство повестей и романов Горького иллюстрировали очевидное, то, что знал любой пацан из нашего класса или любая девчонка с нашей улицы: «При капитализме простому народу жилось несладко». Но мы знали, что нам капитализм не грозит. Мы были уверены: никакой дядя Сэм или паразит капиталист из прошлого не заставит нас быть рабами. Если произведения Горького и пугали нас, то задним числом, абстрактно. Ибо никто даже в страшном сне не мог представить, что Советский Союз рухнет, а на плечах либералов-демократов в страну въедет капитализм еще страшнее того, что описывал Горький в своих произведениях.

Но случилось то, чего не мог предположить и Горький, которому доставалось и от царской власти, и от советской. Его сажали в тюрьмы и полицейские участки, за ним вели гласное и негласное наблюдение, вынуждали эмигрировать и даже пытались «сбросить с корабля современности». Первую попытку сброса предпринял в 1902 году российский импера-

тор Николай II, когда Академия наук выбрала любимого народом писателя почетным академиком по разделу словесности. Царь прокомментировал: «Более чем оригинально!» – и повелел сей выбор отменить. Узнав об этом, отказались от звания почетных академиков Короленко и Чехов, а критик Стасов, выдвигавший кандидатуру Горького, громко хлопнул дверью и зарекся не посещать заседания Академии.

Ну, мотивы царя понятны. «Буревестник революции» расшатывает трон, сочиняет обидные «Песни о Соколе», а Мы, Николай II, будем вручать ему медали на ленточках и красивые мантии? А вот почему главный редактор «Литературной газеты» с обстоятельной волжской фамилией Бурлацкий в 1991 году решил снять профиль Максима Горького с логотипа вверенной ему писателями газеты, сразу не угадаешь. Возможно, рассуждал примерно так: коль нет больше пролетариата, то зачем нам пролетарский писатель?

У нас теперь в стране два класса – успешных и неуспешных людей. Успешные – это олигархи, владельцы заводов, газет, пароходов, казино, а также киллеры, валютные и политические проститутки, наркочилеры, жители Долларовки, то бишь Рублевки, – вот о них и надо писать романы, баллады и киносериалы. А зачем нам Горький со своим «Му-Му», то есть, простите, «Буревестником»? Одним словом, совок, которого надо выдавливать и истреблять. Только почему-то никто из благородных негодующих демократов не порвал тогда советский диплом, не вернул гонорары за книги, создан-

ные в стиле соцреализма, и не отказался от бесплатных квартир, полученных по линии Союза советских писателей, созданного при активном участии пролетарского писателя.

...Профиль Максима Горького, конечно же, вернули на первую страницу «Литературной газеты». Это сделал в 2004 году новый главный редактор «Литературки» – писатель Юрий Поляков, заручившись поддержкой читателей, редакционной коллегии и собственной совести. Портреты двух титанов русской литературы – Пушкина и Горького – вновь оказались рядом. Горького любят и помнят: его именем названы проспекты, улицы, станции метро, институты и библиотеки. Но читают классика мало. Такое ощущение, что время читать и перечитывать бунтаря Горького еще не пришло, ибо духовное самоопределение российского общества явно задержалось.

Знавший все мерзкие стороны русской жизни, Горький тем не менее верил в человека и восторгался его величием. Утвердится ли в нашем обществе горьковский девиз «Человек – это звучит гордо!» или капитализм возьмет верх в нашем «социальном государстве», покажет время. Очевидно одно: нам не хватает нового Горького, новых гордых героев. Нельзя же всерьез считать таковыми олигархов из списка журнала «Форбс» или персонажей гламурных киносериалов.

В 1908 году в статье «Разрушение личности» Максим Горький писал: «Литература наша – поле, вспаханное великими умами, еще недавно плодородное, еще недавно покры-

тое разнообразными и яркими цветами, – ныне зарастает бурьяном беззаботного невежества, забрасывается клочками цветных бумажек – это обложки французских, английских и немецких книг, это обрывки идей западного мещанства, маленьких идей, чуждых нам; это даже не „примирение революции с небом“, а просто озорство, хулиганское стремление забросать память о прошлом грязью и хламом». Написано словно сегодня.

Но возможно, уже бродит по России будущий писатель – стихийный председатель союза всех униженных и оскорбленных, страстный обличитель общественных пороков. И, говоря словами своего великого предшественника, хождение это вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть, где я живу, что за народ вокруг меня. И не перевелись ли на Руси Соколы?

5. Другой Булгаков

Михаил Булгаков родился в 1891 году в Киеве, в семье доцента Киевской духовной академии, учился в знаменитой Александровской гимназии (описанной, в частности, Константином Паустовским), с отличием закончил медицинский факультет Киевского университета, работал врачом, в Гражданскую войну служил в военных госпиталях по разные линии фронта, несколько лет употреблял морфий, был трижды женат, пытался уехать за границу, писал письма Сталину и членам правительства, знал успех и горькие разочарования. Скончался в 1940 году в Москве, оставив миру несколько шедевров, главный из которых – роман «Мастер и Маргарита» – был издан лишь через три десятка лет после его смерти.

Исследователи творчества Михаила Булгакова часто повествуют о жизни писателя в трагических тонах, замалчивая его успехи и возводя трудности в абсолют. Отношения Булгакова с властью, цензурой, Сталиным, наконец, представляются нескончаемой битвой таланта-одиночки с репрессивной машиной, гордой атакой Мастера на стальные лопасти коммунистических мельниц.

Скажем, тому факту, что Сталин, поинтересовавшись в телефонном разговоре: «Мы что, вам очень надоели?», не поддержал желания талантливого писателя выехать за границу, придается исключительно негативное значение. А тот

факт, что уже на следующий день Булгаков по протекции Сталина получил место режиссера в лучшем театре страны – у Станиславского в столичном МХАТе – и приличный заработок! – никак не комментируется. Как и сам звонок первого лица государства «писателю-белогвардейцу».

Сказать, что сатирика Булгакова обижали и притесняли сверх обычного, цензурного, было бы неправильно. Наоборот, можно удивляться, как его – талантливого драматурга и писателя, чьи произведения при жизни издавались и ставились не только в СССР, но и за границей, а сам он был окружен неказенной славой, красивыми женщинами и яростной критикой, – как его пронесло мимо репрессий, и он умер своей смертью в возрасте сорока девяти лет.

1920-е годы, когда тридцатилетний врач, входивший в литературу, перебрался в Москву, были для него достаточно успешными. В 1921 году он с помощью Н. К. Крупской получает место секретаря литературного отдела Главполитпросвета при Народном комиссариате просвещения и прописывается вместе с женой в квартире № 50 (!) на Большой Садовой улице. Сотрудничает с московской редакцией берлинской газеты «Накануне», помещая в ней очерки о жизни Москвы, а в литературном приложении – рассказы. Пробует работать конферансье в маленьком театре, пишет хроники и фельетоны для московских газет. В «Гудке» Булгаков делает знаменитую «четвертую полосу» вместе с В. Катаевым, И. Ильфом, Е. Петровым, Ю. Олешей, работает штатным

фельетонистом. Успех в журналистике подкрепляется литературным успехом: публикуются «Записки на манжетах», «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Белая гвардия». И наконец в апреле 1926 года – премьера «Дней Турбиных» во МХАТе!

В 1927 году в Париже напечатано полное издание романа «Белая гвардия»!

Имя Михаила Булгакова – на устах читающей и пишущей Москвы. Его зазывают в гости, приглашают на литературные вечера, им восхищаются. На одном из таких вечеров, устроенном в честь Алексея Толстого в особняке Бюро обслуживания иностранцев, Булгаков знакомится с Любовью Евгеньевной Белозерской, вернувшейся чуть раньше своего мужа-литератора из-за границы. Вскоре он разводится с женой – дочерью саратовского дворянина Татьяной Лапа, с которой был знаком еще с гимназических времен. (Она провела с ним тяжелые годы его жизни – не дала погибнуть от морфинизма, выходила в 1920 году во Владикавказе от тифа, но в Москве оказалась далека от литературной жизни.) По свидетельствам очевидцев, новая жена Белозерская была интереснее Булгакову и с точки зрения обширных литературных знакомств.

«Дни Турбиных» смотрит Сталин. Пьеса ему нравится. Считается, что вождю импонировал образ полковника Турбина в блестящем исполнении Николая Павловича Хмелева – образ сильного, некарикатурного врага, признающего перед смертью неизбежность победы коммунистов в Граждан-

ской войне. Сталин с непонятным упрямством несколько раз смотрел эту пьесу о «всесокрушающей силе большевизма».

Именно эта пьеса принесла Булгакову широкую известность. Тысяча спектаклей на мхатовской сцене при неизменном аншлаге! Постановки в театрах страны! Но критика с самого начала громила «белогвардейский» спектакль. То, что прощал Булгакову прошедший Гражданскую войну Сталин, не могли простить бдительные бойцы идеологического фронта и коллеги-писатели: в 1929 году спектакль изъяли из мхатовского репертуара (в 1932 году по указанию Сталина восстановили).

Булгаков весь в работе. Хронология московского периода жизни Булгакова, которую чуть ли не по часам восстановили его биографы, показывает, что все годы писатель постоянно творил: писал либретто к операм, готовил инсценировки своих и классических произведений, сотрудничал с киностудиями, сам выступал в спектаклях МХАТа, переделывал старые вещи и готовил новые.

В 1929 году Булгаков знакомится с Еленой Сергеевной Шиловской, женой начальника штаба Московского военного округа. Начинается роман. В 1932 году после долгих выяснений отношений и угроз мужа застрелить соперника она уходит к Булгакову и становится третьей, последней, женой писателя. Елена Сергеевна послужила прообразом Маргариты в известном романе.

Некоторые исследователи полагают, что на рубеже 1920–

1930-х годов «Булгаков оказался в наихудшем положении: пьесы его были сняты с репертуара, травля в печати не ослабевала, возможность публиковаться отсутствовала. В этой ситуации писатель вынужден был обратиться к высшей власти, прося либо предоставить ему работу, либо отпустить за границу». По воспоминаниям Е. Шиловской, письмо было отправлено Сталину, Молотову, Кагановичу, Калинин, Бубнову (тогдашний нарком просвещения) и др.

Чем закончился телефонный разговор со Сталиным, мы знаем: Булгаков получил место штатного режиссера во МХАТе, куда не мог устроиться собственными стараниями. Удивляет другое. Никто не вспоминает, что пьесы Булгакова в это время с успехом шли во Франции, Германии, Англии, Америке, и он получал через своего младшего брата Николая, живущего в Париже, причитающиеся от спектаклей гонорары. Никто не упоминает, что в это время Булгаков постоянно инсценировал классику и писал либретто к операм советских композиторов, за что платились приличные гонорары и постановочные отчисления от спектаклей. Как-то забывается и то, что Булгаковы жили в приличной трехкомнатной квартире писательского кооператива в двадцати минутах ходьбы от МХАТа, постоянно ездили отдыхать. Булгаков сообщал в одном из писем: «Я пишу “Мертвые души” для экрана и привезу с собой готовую вещь. Потом начнется возня с “Блаженством”. Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты...»

Он творил! Он любил и был любимым!

В черновике письма от 30 мая 1931 года, сохранившемся в архиве писателя, Булгаков признавался: «Хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам. Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти. Вы сказали: “Может быть, вам действительно нужно ехать за границу...” Я не избалован разговорами. Тронутый этой фразой, я год работал не за страх режиссером в театрах СССР».

Но вождь так и не вызвал Булгакова для разговора. Булгаков всю оставшуюся жизнь ждал этой встречи или нового звонка из Кремля. Он хотел, чтобы власть любила его, чтобы Хозяин признал в нем Мастера. В одном из сохранившихся набросков письма Сталину Булгаков просил его «стать моим первым читателем», явно ориентируясь на опыт взаимоотношений Пушкина и Николая I и, вероятно, рассчитывая, что печать сталинского одобрения послужит для его произведений пропуском во все театры страны, как это случилось с «Днями Турбиных».

В те советские годы писатели начинали ездить за границу: Есенин, Леонов, Пильняк, Маяковский, Ильф с Петровым. Они привозили гонорары и авто, ходили в шикарных костюмах и ботинках, танцевали в ресторанах фокстрот и, поку-

ривая сигареты с золотым ободком, выступали на диспутах о роли женщины при социализме. В 1931 году благодаря посредничеству М. Горького выехал во Францию Е. Замятин с супругой, автор скандального романа «МЫ», – Булгаковы с завистью махали вслед уходящему поезду...

Булгаков еще несколько раз писал письма в разные инстанции с просьбой отправить за границу «на тот срок, на который сочтет возможным Правительство», но ответ всегда был отрицательный.

Выскажу крамольную мысль: если бы Сталин отпустил Булгакова за границу, роман «Мастер и Маргарита» мог бы не состояться...

Для того времени, в котором жил и творил Михаил Булгаков, его бытовая и литературная биографии достаточно благополучны. Вспомнить хотя бы судьбы повесившегося Есенина, расстрелянного Бориса Пильняка, застрелившегося Маяковского, хлебнувшую тюремного горя Ольгу Берггольц, погибших в заключении Николая Клюева и Осипа Мандельштама, отодвинутого от литературы Андрея Платонова и многих других литераторов, чьи жизни оказались в руках желтоглазого человека с оспинами на смуглом лице.

Написав едко сатирические «Собачье сердце», «Зойкину квартиру», «Дьяволиаду» и «Роковые яйца», Булгаков, конечно, бросил вызов власти – вольно или невольно. Сатирик не любит никакая власть. А если любит, значит, это не сатирик, а барахло, «смехопанорама» какая-нибудь. Пла-

менный революционер Л. Б. Каменев отозвался о «Собачьем сердце» как об остром памфлете на современность, печатать который ни в коем случае нельзя. Прислушались – не печатали шестьдесят два года. Лишь М. Горький заступился: назвал «Роковые яйца» «остроумной вещью». Кстати, позднее, чтобы поддержать коллегу, против которого ополчились критики, Горький заказал Булгакову книгу о Мольере для серии «Жизнь замечательных людей». Правда, другой литератор – А. С. Тихонов (Серебров) – «накатал» на книгу такой отзыв, что хоть на Соловки высылай.

Михаил Булгаков умер в возрасте сорока девяти лет от нефросклероза и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Да, не все было гладко в его жизни. Но он творил, знал успех и неудачи. Умирая, понимал, какой художественной силы роман оставляет после себя. Он любил и был любимым! Он любим до сих пор: его имя в списке самых читаемых авторов.

6. Зачем звонит колокол? (А. Герцен)

Александр Герцен, внебрачный сын русского дворянина Ивана Яковлева и шестнадцатилетней немки Луизы Гааг из Штутгарта, человек с выдуманной его отцом «сердечной» фамилией, писавший под псевдонимом Искандер, поклялся в молодости на Воробьевых горах вместе со своим другом Николаем Огаревым отомстить самодержавию за казнь декабристов, и на всю жизнь остался верен этой клятве. Написал с десятков прекрасных литературных произведений. Издавал в Лондоне диссидентскую газету «Колокол» и умер на чужбине, чтобы через полвека вернуться в Россию, ставшую к тому времени СССР, названиями тысяч улиц, проспектов, кораблей, библиотек и институтов.

Сашеньке Герцену было 13 лет, когда он узнал, что жестокий царь повесил пятерых дворян, не простив им бунтарское выступление на Сенатской площади. В июле 1934 года Александр Герцен, принимавший участие в молодежных кружках, сам был арестован как «смелый вольнодумец, весьма опасный для общества» и привлечен к делу о «несостоявшемся, вследствие ареста заговоре молодых людей, преданных учению сенсимонизма».

Через девять месяцев тюрьмы читают приговор: смертная казнь! После унижительной паузы, во время которой в душах молодых людей всё переворачивается, объявляют, что импе-

ратор повелел заменить ее ссылкой.

По мысли верхов, молодые вольнодумцы-повесы должны быть по гроб жизни благодарны его императорскому величеству за счастливое избавление от казни. А вот фиг вам! Кто Богу не грешен, тот царю не виноват! Мы людей не вешали, бунт не умышляли, из казни не крали – мы лишь думали иначе и хотели, как лучше для народа и державы. А нас за это в тюрьму и ссылку? Ну, погоди, сатрап, мы до тебя доберемся!

И добрались. В сорок лет Герцен, уже познавший тюрьму и ссылку, поставил в Лондоне со своим другом Огаревым первый станок вольной русской прессы, и принялся выпускать сначала революционные прокламации, затем журнал «Полярная звезда» с профилями казненных декабристов, а в июле 1857 года и газету «Колокол», объявив, что его колокол будет звонить по поводу любой российской несправедливости: будь то невежество сената, воровство сановников или издевательства чиновников над народом.

Вольная русская типография, стала выпускать в сторону России типографские снаряды такой сокрушительной силы, что сановники и царский двор только покрякивали, а притесняемые властью хихикали, потирали руки и корректировали огонь: «Вот этот украл, вот этот сирот обижал, бейте по ним прямой наводкой!» Герцен и Огарев даже специальное приложение к своей газете учредили: «Под суд!», где печатали сообщения о взяточниках, казнокрадах и притеснителях.

В лондонской приемной «Колокола» все время толпился народ – обиженные вдовы, пострадавшие за правду мужи, молодежь, испытывавшая несправедливость власти. Лондонский «Колокол», который из нашего времени можно сравнить с «Голосом Америки», киножурналом «Фитиль» и «Литературной газетой» вместе взятыми, ждали в российских городах и дворянских усадьбах. Напечатанные на тонкой бумаге листы «Колокола» тайно ввозились через границу и расходились по России.

Сейчас становится модным обвинять Герцена в антигосударственной деятельности – он, дескать, выступал против законной власти, вел пропаганду с территории враждебной нам тогда державы. Возможно, в этом есть доля истины. Но известно и другое: неуклюжая власть сама растит оппозицию, плодит несправедливыми действиями диссидентов, оппозиционеров и революционеров. Во все времена находятся Дон Кихоты, Робин Гуды и Ленины, борющиеся за справедливость в отдельно взятой стране или мстящие за смерть старшего брата вселенскими потрясениями. Печально, но почти каждая новая власть думает, что жмет на педаль прогресса, а оказывается, что наступает на те же грабли, и тогда – вновь звонит колокол...

7. Талантливый враг Советской власти (Аркадий Аверченко)

В советском литературоведении об Аркадии Аверченко не было сказано ни единого доброго слова. Лишь иногда вспоминали слова Ленина о том, что Аверченко – враг советской власти, забывая добавить, что вождь мирового пролетариата называл писателя высокоталантливым врагом. Почти все произведения Аркадия Аверченко были впервые напечатаны в петербургских журналах «Сатириконъ» и "Новый Сатириконъ". До 1918 года вышло более сорока сборников его рассказов: "Зайчики на стене", "Веселые устрицы", "Круги на воде", "Чудеса в решетке", "О хороших, в сущности, людях" и другие. Широко известны также "Дюжина ножей в спину революции" и "Письмо Ленину", написанные Аркадием Аверченко в эмиграции.

И Аверченко, и Чехов прожили по сорок четыре года. Оба умерли за границей: Чехов на курорте, где пытался вылечить туберкулез, обострившийся после долгого и тяжелого путешествия на Сахалин, Аверченко – в Праге, где надеялся дождаться падения советской власти. Оба писателя критиковали пошлость и мещанство. Чехов критиковал с пониманием и сочувствием, Аверченко – веселясь.

Когда Чехов умирал на немецком курорте в июне 1904 года, Аркаша Аверченко, служащий транспортной конторы

в Харькове, еще только пробовал свои силы в словотворчестве. Его звезда стала стремительно восходить на литературном небосклоне лишь после переезда начинающего писателя в 1908 году в Петербург. Вскоре молодой автор юмористического журнала «Сатириконъ» становится известен всей стране, его рассказы читают вокзальные носильщики и члены царской семьи, его называют русским Марком Твенем и сравнивают с мастером короткого рассказа ОГенри.

С 1910 года один за другим выходят сборники его рассказов, в театрах ставятся его пьесы и скетчи, гремят фельетоны, в ресторане «Вена» на углу Гороховой и Малой Морской, куда Аверченко с сатириконцами ходит обедать, его встречают почтительным вставанием и аплодисментами. Слава! Удача! Успех!

Ценители Горького и Мамина-Сибиряка считают его вульгарным хохмачом, называют буржуазно-либеральным остро словом, но в столичных трамваях переговариваются цитатами из Аверченко, а в железнодорожных вагонах всех классов над его книгами трясутся от смеха пассажиры. Лирическая грусть Чехова отодвинута на второй план, королем смеха объявляется вчерашний конторский служащий Аркадий Аверченко! Он носит пенсне, элегантные костюмы, грациозно помахивает тросточкой, пьет коллекционные вина, у него берут автографы, пожать ему руку считают за честь банкиры и депутаты Государственной думы. Он снимает лучшие квартиры в центре Петербурга, о его личной жизни хо-

дят "шикарные сплетни", мальчишки-газетчики выкрикивают его имя на каждом углу. Очевидцы тех дней вспоминали его как красавца мужчину с бриллиантом в форсисто-галстуке, с напомаженными волосами, с томным, чуть ленивым взглядом.

Фантастический успех писателя-сатирика вряд ли можно объяснить только литературным талантом. После октябрьского манифеста 1905 года в России наступает газетный бум, растут тиражи изданий, беспрерывно трещит сатирический фейерверк: фельетоны, карикатуры, жанровые сценки, анекдоты с прозрачными политическими намеками... Россия громко и зло смеется сама над собой, находя в этом разрешенном занятии неведомое ранее удовольствие. Восторг читающей публики вызывают любые подглядывания сатириков: за дамами и господами, актерами и актрисами, чиновниками и министрами, за папенькой с маменькой, отправляющимися в спальню...

"Сатириконъ" был особым журналом в предреволюционной России. С ним сотрудничали художники Ремизов и Яковлев, Радаков, Бенуа, Добужинский, юмористы Тэффи и Дымов, поэты Саша Черный, С. Городецкий, О. Мандельштам, Маяковский. Там печатались А. Куприн, Л. Андреев, Алексей Толстой, А. Грин. Но «держал» каждый номер несомненно Аркадий Аверченко, писавший во все разделы «Сатирикона» под разными псевдонимами. Вот один из ответов в рубрике знаменитого в те годы "Почтового ящика": "Рудоль-

фу: Вы пишете в рассказе: "Она схватила ему за руку и неоднократно спросила: где ты девал деньги?" Извините, но иностранных произведений не печатаем".

"Сатириконъ" идет нарасхват, Аверченко ежегодно издает два-три сборника рассказов. Атмосфера небывалого успеха окружает этого красивого человека. Критики пеняют ему на излишнюю плодовитость, торопливость, на что Аверченко отвечает: "Упрек в многописании – если в него вдуматься – упрек, не имеющий под собой никакой солидной почвы. И вот почему: я пишу только в тех случаях, когда мне весело. Мне очень часто весело".

Над чем же смеялся Аверченко, что веселило его?

Жизнь большого города – вот главная тема, источник остроумных сюжетов. Рассказы создаются из бытового пустяка, мелочей жизни. Вереница героев проходит перед глазами читателя: глуповатые горничные, влюбленные коммивояжеры, туповатые городовые, мечтательные барышни, философствующие конторские служащие, графоманы, атакующие редакции газет и журналов... Аверченко, как и молодые сотрудники «Сатирикона», видят лишь смешное в жизни, насмешкам подвергается пошлость, тупость, жадность, тщеславие... Читая рассказы Аверченко, некоторые критики вспоминают забияку Антошу Чехонте, сотрудника «Стрекозы» и «Будильника», превратившегося с годами в Антона Павловича Чехова, художника-гуманиста. Пройдет ли этим путем высмеивающий обывателя Аркадий Аверченко? Про-

растет ли сквозь веселье и задор философское отношение к жизни?..

В 1913 году Аверченко ссорится из-за денег с издателем, уходит из «Сатирикона» и создает "Новый Сатириконь". Читающая публика принимает новый журнал, но летом 1914 года начинается война с Германией, и ситуация меняется: в столичных ресторанах звучат патриотические речи, вместо юмористических рассказов про горничных в ход идут анекдоты про тупых немцев. Аверченко по собственной инициативе едет на фронт в качестве военного корреспондента. Он пишет о зверствах германцев, о нуждах простого солдата, о процветании взяточников-интендантов, о развале в тылу. Он едет на гастроли в Пятигорск, читает в санаториях-госпиталях свои рассказы офицерам и нижним чинам. Курортные газеты печатают сводки с фронтов рядом с гастрольными афишами юмориста.

Кризис поражает Россию, и веселый беззаботный смех Аверченко звучит все тише. Жизнь дорожает, призрак голода надвигается на столицу, и привычный писательский быт с обедами на втором этаже в ресторане «Вена» дает трещину. Аверченко начинает хандрить, его популярность и спрос на "Новый Сатириконь" заметно снижаются. Февральскую революцию он, по собственному утверждению, встретил радостно, но Октябрьский переворот с конфискацией солидного банковского счета, с «уплотнением» его прекрасной квартиры, с голодом и холодом, воспринял как личную драму.

"Новый Сатириконтъ" занял по отношению к советской власти резко отрицательную позицию и был закрыт в августе 1918 года.

Аверченко едет в Москву, затем вместе с Тэффи в оккупированный немцами Киев, оттуда пробирается на юг, в родной Севастополь, занятый белыми и французами. Позже Аверченко опубликовал известное "Письмо Ленину", в котором описал свои злоключения: "Ты тогда же приказал Урицкому закрыть мой журнал, а меня доставить на Гороховую. Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую уехал из Петрограда, даже не простившись с тобой. Захлопотался... Я на тебя не сержусь, хотя ты гонял меня по всей стране, как серого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова в Ростов, потом Екатеринослав, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять Севастополь".

...Он сотрудничает в газете "Юг России", открывает театр-кабаре, дает сольные концерты в Балаклаве, Евпатории, Севастополе, ставит новые пьесы, но в конце октября 1920 года Красная армия занимает Крым, и Аверченко, продав любимую булавку с бриллиантом, отплывает в угольном трюме старого парохода в Константинополь. Об этом вынужденном путешествии он с горьким юмором рассказал в "Записках Простодушного", выпущенных в Берлине.

В 1921 году в Париже вышла его книжка "Дюжина ножей в спину революции", где Аверченко весьма талантливо, по признанию Ленина, облил грязью Советскую Россию. Все его

персонажи – от рабочих до дворян – со справедливой тоской вспоминают страну, которую они потеряли, сетуют на упавший, как сказали бы сейчас, уровень жизни. Сквозь смех слышится печаль по утраченной вольности, друзьям, беззаботным отношениям...

В Константинополе-Стамбуле писатель провел полтора года, воскресив свой театр «Гнездо» и давая спектакли для русских беженцев. В 1922 году Аверченко вместе с труппой перебирается в Прагу, где и обосновывается на постоянное жительство, встретив среди чехов интерес к своему творчеству и радушие. Он ездит с гастрольями по стране, в местных газетах печатаются его рассказы и фельетоны, вновь появляются поклонники и солидный гардероб, зовут в гости русские люди в Прибалтике, Польше, Берлине, Кишиневе, получено приглашение из США. В поздних произведениях Аверченко, которые писались в скитаниях, уже звучит "смех сквозь слезы", возникают трагические ноты оторванности от родной почвы. Он жалуется друзьям: "Тяжело как-то стало писать... Как будто не на настоящем стою..."

Но вскоре все рушится: пражские врачи удаляют писателю левый глаз, поврежденный еще в юности, вместо него вставляют искусственный. Аверченко стал чувствовать общее недомогание, хандрить. И 12 марта 1925 года в пражской городской больнице Аркадий Тимофеевич скончался от болезни сердца.

Пражане заключили тело усопшего русского писателя в

металлический гроб и специальный футляр – на тот случай, если кто-то в России возжелает перевезти прах покойного на родину.

...Скончавшегося в Германии Чехова перевезли в Россию и с почестями упокоили на Новодевичьем кладбище в Москве. Останки Аркадия Аверченко до сих пор покоятся на чужбине – на Ольшанском кладбище в Праге.

Раздел II. Наставники, коллеги

1. Даниил Гранин. За все благодарю!

Даниил Гранин подарил мне двадцать лет дружбы. В моих дневниках есть записи о наших встречах-разговорах. Еще больше – не записано, но осталось в памяти. Есть несколько интервью, которые Даниил Александрович дал в разное время, но с неизменным накалом мыслей и чувств.

Делюсь.

20 мая 1997 г. Открыли «Центр современной литературы и книги»¹ на углу Набережной Макарова и Биржевой линии.

В день открытия помещение со сводчатыми потолками и бронзовыми люстрами еще пахло краской.

Даниил Гранин сказал хорошую речь – книга, дескать, не умрет, Интернет ей не помеха, книгу можно взять на ночь в постель, а Интернет не возьмешь. Речей было много. Илья Штемлер назвал меня русским Соросом.

¹ Некоммерческое партнерство «Центр современной литературы и книги» (ЦСЛК), учрежденное в 1997 году писателями Дмитрием Каралисом, Александром Житинским, Борисом Стругацким и Ильей Штемлером, через пять лет после пожара в Доме писателя на Шпалерной улице, приведшей к окончательной потере шереметевского особняка как места общения литераторов города.

Знал бы он, сколько денег оставалось у меня на расчетном счете! Слезы – даже налоги не заплатить.

6 февраля 1998 г. Сегодня был в концертном зале «Октябрьский» на отчете Правительства Санкт-Петербурга о выполнении плана 1997 г. В отделе печати Раиса Владимировна Романова, которая работала еще в Союзе писателей, дала мне билет, и спросили, не отвезу ли я после собрания Даниила Александровича Гранина домой. С удовольствием, сказал я. Мне хотелось поговорить с классиком о пассивности творческой интеллигенции и работе «Центра». А также вручить ему клубную карту.

Без пяти четыре подъезжаю к «Октябрьскому». Гаишник машет полосатой палкой, торопит высадку и отъезд автомобилей. Еще несколько милиционеров помогают ему создавать суету и ажиотаж, без которого немислимо появление высокого начальства. Темно-синие «Вольво» вице-губернаторов, джипы финансовых магнатов, искрящийся в морозном воздухе мех шуб и манто. Останавливаюсь напротив входа, приспускаю окошко и, дождавшись яростного взгляда замерзшего капитана, подзываю его жестом руки. Обалдев от моей наглости, он подходит.

– Приветствую! Я из Союза писателей. Где бы мне встать, чтобы потом увезти Даниила Гранина?

– Либо на Басковом, либо вон там, за углом, – сменив внутренний гнев на внешнюю милость, распоряжается он.

– Надо где-нибудь поближе. Не идти же потом пожилому

классику по морозу.

– Ладно, вставай вот тут, за «скорой помощью».

Встал напротив главного входа. Уважают еще литературу!

После доклада сели с Граниным в машину. Едем. Адрес знаю.

Заговорил о собрании. Заметил, что в тезисах нет раздела «Культура» – он включен в раздел «социальная сфера». Там упоминаются новые памятники Гоголю и Достоевскому, открытые в минувшем году. Посетовал, что хотел воспользоваться открытым микрофоном, но смутила очередь.

– А о чем, Дима, вы хотели сказать?

– Об общей идее. Про то, что наш великий город не должен оставаться без великой нравственной идеи. Сидели, как на партхозактиве – городское хозяйство, транспорт, жилье... Проблем много, но флаг – должен быть общий.

– В принципе, генеральный план развития города есть... – неуверенно сказал Гранин.

– Я не совсем об этом... – И сказал, что давно хотел сказать Гранину. Про то, что происходит со страной, и про нашу пассивность. Ведь сейчас не тридцать седьмой год – чего мы боимся? Дети и внуки спросят потом: как вы допустили? Мы упрекаем тех, кто молчал в годы сталинизма, а сами? Почему молчит интеллигенция, молчат писатели – не выступают единым фронтом? Сказал про Толстого, который от отчаяния стал писать публицистику – напрямую обращаться к обществу...

– Ведь сейчас валовой национальный продукт составляет сорок процентов от того, что выпускалось в 1989 году. Нас поработают, пытаются стереть с карты мира...

– Да, – грустно сказал Гранин, – я был недавно в детских тюрьмах – ужас, ужас...

Помолчали. Мне показалось, Гранин не готов с ходу братья за серьезную тему.

– Дизель? – Гранин кивнул на капот машины.

– Дизель! А вы в танке по какой части были?

Гранин сказал, что был командиром роты.

– Рота – это что в танковых войсках?

– Рота – это девять танков.

– Ого! Такая команда может взять штурмом город среднего размера.

Гранин скромно промолчал.

– У нас была рота тяжелых танков – «ИС».

– «Иосиф Сталин», – показал я свою осведомленность. –

Их, кажется, с сорок второго года выпускать начали?

– С сорок третьего. До них «КВ» были.

– «Климент Ворошилов»...

– Да.

Хороший все-таки мужик Данила Саныч. Именно мужик. Иногда я представляю его в танке – ладный, убористый, в шлеме, с вылезшей на лоб челкой, спокойный внимательный взгляд – и не верю, что ему скоро восемьдесят.

– Работа в «Центре» у вас много времени отнимает?

– С утра до вечера. Часов в десять домой прихожу. В таком режиме уже больше года.

Гранин оживился, стал рассказывать, сколько времени и сил он отдавал Союзу писателей, когда был его председателем.

– Но хочу тебя предостеречь, – он неожиданно перешел на «ты». – Писатели всегда были пассивными в общественном плане! Ругать, осуждать – да! А создавать – единицы.

Я рассказал, как прошел последний вечер, где мы вручали клубные карты. И, вспомнив, про них, торопливо вручил Гранину его карту у красного светофора. Извинился, что в такой обстановке вручаю.

– Писатель должен не осуждать, а понимать... – Гранин убрал клубную карту в бумажник.

– Да, «Пахарь должен пахать», – процитировал я своего пассажира. – Но иногда нужно и кричать во весь голос. Кроме писателей этого никто не делает. Одно дело, когда шахтеры стучат касками на Васильевском спуске в Москве, требуя зарплаты, и другое дело, если писатель вашего масштаба постучит авторучкой о стол и скажет власти: так нельзя, кончай безобразия!

– Если вы сделаете в «Центре» буфет, то народ, думаю, потянется. Водочки попить, повстречаться... А библиотеку Дома писателей туда разместить не удастся?

Я рассказал историю с библиотекой. Про то, как Чулаки перед встречей с губернатором попросил меня не заикаться о

резервных площадях. Пусть, дескать, власть сама что-нибудь предложит.

Гранин задумался.

– Я поговорю с Мишей...

– Ведь там книги с автографами Чехова, Куприна... Из частных писательских собраний, которые они передали библиотеке Дома писателей... Камер-фурьерские журналы царей! Раритеты!

– Да, я поговорю с Чулаки, – повторил он обещание.

15 сентября 1998 г. Составляю план работы Центра. Вчера звонил Д. Гранину. Спросил, не хочет ли он провести в «Центре» свой творческий вечер.

– Дима, вы, наверное, заметили, что я не люблю этой шумихи... Ну что мне вечер? Если бы какой-то повод был – книга бы вышла... А так, я этого не люблю. Нет, спасибо большое, но не буду.

Я похвастался, что за лето почти закончил роман, 560 стр.

– Каждый день, как проклятый, сидел с одиннадцати вечера до пяти-шести утра.

– Почему же, как проклятый? Это такое удовольствие – работать!

– В общем, да, я снова почувствовал себя человеком, – пошел напопятный я. – Удовольствие от работы получал.

Я спросил, что он думает о создании в нашем «Центре» читальни для писателей.

– По-моему, это неплохо будет.

1998 г. 14 октября ходил по приглашению Гранина во дворец Белосельских-Белозерских на общественные слушания «Россия во мгле: уныние или оптимизм?». Выступил Гранин – чувственно, проникновенно. Была видна боль за страну.

Гранину долго хлопали.

Потом началась хрень собачья. Бывший ректор Архивного института, мелькавший в телевизоре во времена перестройки – Юрий Афанасьев – говорил непонятно о чем.

Зато куда понятней выразился некий Даниил – мальчик с длинными завитыми волосами: «Чем быстрее перестанет существовать это страна, тем лучше будет для всех».

Он имел в виду Россию.

Некоторые даже зааплодировали.

Гранин сидел, тяжело опустив голову, словно и не слышал сказанного. Может, действительно не слышал.

Ольга С. с «Радио России», которой я сказал, что надо бы пойти и дать этому оратору в ухо, схватила меня за рукав: «Сидите спокойно, Дмитрий Николаевич, берегите нервы... Ему только этого и хочется – синяк пройдет, а репутация повысится!».

Вскоре я ушел в гневе. Дожили! Фраза: «Чем быстрее перестанет существовать это страна, тем лучше будет для всех!» вызывает в центре Петербурга аплодисменты.

16 декабря 1998 г.

Звонил Д. Гранину, предложил провести в ЦСЛК прием по поводу его 80-летия.

– Спасибо, Дима. Должен вам сказать, что вы трепетный человек.

– Спасибо, – сказал растерянно. Я не знал, как это понимать.

– Это действительно так, – настаивал Гранин.

Спросил про библиотеку – когда она начнет работать. Готов передать свои книги в дар. Сказал, что позвонит через пару дней, соберется с мыслями и даст ответ насчет юбилейного вечера.

17 января 1999 г.

Справили 80-летие Д. Гранина. Гранин пришел без опозданий. Это гости, как чудаки, тянулись минут сорок.

“Как вам удалось так хорошо обжиться?” – спросил Гранин, побродив по нашему Центру.

Я рассказал о спонсорах, о помощи бюджета. Отдельно упомянул о домогательствах бывшего телевизионного комментатора К. на пачку зеленых за «неотделимые улучшения». Гранин быстро все понял. “А может, предложить ему подарить все это писателям? – сказал. – Позовем прессу, телевидение. Скажем ему спасибо. Ему будет приятно”.

Я обещал подумать. Идея простая и очень привлекательная.

Гранин с двух раз задул все восемьдесят свечек на праздничном торте размером с цветочную клумбу. Есть еще порох в пороховницах. Силен.

Была городская власть. Поздравляли в Белом зале, потом перебрались в буфетную, за бильярдной.

Гранин выпил полстакана водки. Остальные пили шампанское и коньяк.

...Сегодня утром позвонил Гранин и поблагодарил за "чудный, почти семейный" вечер. Звонил он в 13 часов. Я только проснулся, и он угадал мое состояние, извинился, что разбудил меня. Я соврал, сказал, что не сплю. Ночью мне вызывали скорую, болело сердце, думал инфаркт – оказалась невралгия. Сделали кардиограмму, сняли боли уколами.

Гранин сказал, что в Центре ему очень понравилось, обстановка раскованная, даже, дескать, представитель президента играл с писателями в бильярд...

А сегодня я начал читать его повесть из старых – "Обратный билет". О поездке в места детства, в Великие Луки. Трогательная вещь, до слез. Банально, но в каждом мужчине действительно живет мальчишка. И я увидел мальчика Данию Германа, бродящего с отцом-лесником по сосновой роще, и его маму, перешивающую шинель отца на курточку сыну. Детские воспоминания сближают...

Весь день прожил с тремя доминантами настроения: радостью, что вечер Гранина удался, впечатлением от его книги и тяжелым чувством досады за украденный писателями

коньяк.

В детстве, в начале шестидесятых, я ходил с мамой в книжную Лавку писателей, и помню, как она радовалась, что купила книгу Гранина с грозным названием «Иду на грозу». Мама читала ежедневно, начинала с утренних газет и заканчивала вечерним чтением книги у торшера. А за большим дубовым столом по вечерам тихо трясся от смеха отец – он читал Лескова, Джерома К. Д. Джерома или О. Генри. Иногда он по нашей просьбе начинал читать насмешившую его фразу, но не мог дочитать до конца – махал руками, слезы текли из-под очков...

1 сентября 2000 г. Санкт-Петербург.

Закончил вторую редакцию «Романа с героиней», размножил, раздал читать Даниилу Гранину, Борису Стругацкому и Борису Никольскому. Жду замечаний.

Еще до больницы получил замечания на «Роман с героиней». В целом, толковые, доброжелательные.

Гранин сказал задумчиво по телефону: «Дима, поймите, любовь к жене и любовь к женщине – это разные вещи...» Ему, как я понял, не понравилось, что мой герой не переспал с героиней. Не все замечания учту, но кое-что пригодится.

Лето 2004 г.

Ездил к Гранину в Комарово.

Сидели на большом крыльце его дачи, где стоят круглый

столик, три кресла и диван. Рассказал о замысле повести про блокадных железнодорожников, про работу отца в «Коридоре смерти», о том, как открылся мне материал.

Гранин помолчал, проникаясь доставшейся мне находкой. Выяснилось, что о «Коридоре смерти» он слышит впервые. Он воевал на Ленинградском фронте, но в начале блокады, а потом отправился учиться в танковое училище. К тому же, этот коридор, названный так самими железнодорожниками, официально называли Дорогой Победы. А это совсем другое дело.

«Да, – сказал, чуть улыбнувшись, – это интересно». Я спросил Гранина, что он думает об икре, красной рыбе, муке, горохе, какао-велле, топленом сале-лярде и блинах из гречишной муки, которые встречаются в воспоминаниях железнодорожников, когда речь идет о конце 1943 года, о карточках, которые так щедро отоваривали после того, как 48-ю колонну поставили на вторую категорию Ленфронта.

Гранин сказал, что вопрос икры, который меня волнует, может иметь следующее объяснение. К берегу Ладоги со стороны Большой земли прибывало множество поездов с подарками для Ленинграда, с продуктами, которые не успевали перевозить на другой берег. И у железнодорожников, дескать, была возможность этим слегка попользоваться. Но это всего лишь версия, подчеркнул Гранин.

– Но ведь это давали по карточкам в вагоне-лавке при депо Московская-Сортировочная в декабре 1943 года. Так на-

писано в воспоминаниях одной кочегарши...

Гранин не удивился и не опроверг такой факт. Сказал, что я должен собрать все возможные свидетельства о той войне, о блокаде, о железнодорожниках в «коридоре смерти».

– Будет ли это интересно современному читателю? – задумался я. – Как его привлечь?

– Меньше всего об этом думайте, – сказал Гранин. – Тем более о современном читателе.

Гранин, поглядывая на далекий комаровский закат, вспомнил, что работа над «Блокадной книгой» приводила к болезни, потере сил, депрессии.

Верю. По себе знаю. Только разбежишься по тексту глазами, вдруг – бац! – срыв, тормоз, сердце сжимается...

Я рассказал об удивительных книгах Ковальчука, в одной из них упоминается мой отец, спасавший горящий эшелон. Гранин передал привет Валентину Михайловичу, сказал, что это обстоятельный исследователь блокады, его старинный приятель.

Отдал Гранину «Неву» № 6 за этот год с моей повестью «Записки ретроразведчика».

3 июня 2006 г. Санкт-Петербург.

Гранин пригласил сходить в кафе. Встретились у его дома, дошли до кондитерской на Австрийской площади. Гранин посоветовал взять горячий шоколад и пирожные. Заказали.

Гранин заговорил о том, что культура дорожает, становит-

ся недоступной для многих. Привел расчет поездки семьи из трех человек в Пушкин, с посещением Екатерининского дворца. Билеты во дворец, электричка, перекусить – получилась тысяча рублей.

Заговорили о Булгакове, я рассказал, какую статью о Булгакове закончил.

– Почему Сталин пятнадцать раз смотрел «Дни Турбиных»? – спросил Гранин. – Это же патология, столько раз смотреть не оперу, не музыкальную программу, а пьесу, где сюжет известен! Я думаю, ему важна была не пьеса, а обстановка в театре – ему надоедали партийные братки, товарищи-лизоблюды, вся эта кремлевская шпана, которой он знал цену, и Сталин шел в театр, во МХАТ, смотреть пьесу талантливого Булгакова в постановке талантливого Станиславского, там была другая обстановка, другие люди...

Гранин:

– Паустовский в 60-е годы мне рассказывал, что он учился в гимназии вместе с Булгаковым, с ними еще кто-то учился, кажется, брат Валентина Катаева – Евгений Петров. Так вот Паустовский говорил, что они Мишку Булгакова всерьез не воспринимали, даже когда он «Дни Турбиных» поставил, уже писателем становился. А вот когда «Мастера и Маргариту» напечатали в 60-х годах, то восхитились! И по заслугам!

Гранин:

– Мне недавно подарили книжку Илизарова, в которой собраны заметки Сталина на полях прочитанных книг. Это

очень интересно! Там начиная с реплик вроде «Ха-ха!» и кончая рассуждениями в один-два абзаца. Сталин много читал. Он был самоучка, очень начитанный человек, несостоявшийся поэт, в этой книге есть его рассуждения о поэтическом творчестве. Вы знаете, мне Сталина не за что хвалить, но надо признать, что к писателям он относился с уважением: ценил талант. И если против него лично не высказывались, не задирали его, не оскорбляли, как это сделали Пильняк и Мандельштам, то он с уважением относился к собственному мнению писателя. Например, рассказ Андрея Платонова «Сомневающийся Макар»! Или «Тихий Дон» Шолохова. Ведь эти вещи вовсе не воспевали происшедшее, они шли вразрез с установками того времени. Или «Дни Турбиных»! Ведь Осип Мандельштам написал явное оскорбление. Кстати, считается, что Сталин звонил Пастернаку, советовался насчет Мандельштама, и тот не заступился за коллегу. Если бы сказал, что Мандельштам гений, Сталин бы Осипа Эмильевича не тронул.

Еще Гранин рассказал, как его недавно пригласили на открытие Талион-клуба в бывшем особняке Шереметева, где был Дом писателей.

– В Лепном зале было накрыто угощение. И вот эти раздавшиеся вширь мужики в дорогих костюмах, налитые дорогими коньяками, пахнувшие парфюмом, рассказывают друг другу, что здесь раньше было, это, дескать, дворец сподвижника Петра – Шереметева (а это совершенно другой Шере-

метев, никакого отношения к фельдмаршалу не имевший). Потом мне нечто вроде экскурсии устроили, говорят: сейчас мы вам покажем кабинет Михаила Зощенко, где он работал... Я говорю им, что у Зощенко никакого кабинета в этом здании не было, они руками машут: нет-нет, вы не знаете, нам сказали, что был, он там сидел и писал... И приводят в кабинет первого секретаря, где я отсидел несколько лет, когда был избран на эту должность. Бессмысленно спорить!

Я ходил по этому дворцу и вспоминал – призраки разных лет были со мною рядом. Вот здесь, в Лепном зале, сойдя с трибуны умер Борис Эйхенбаум... Здесь Жданов выступал, Ельцин... Вот тут, у лестницы, возле ресторана, был разговор с Олей Берггольц... Тени друзей виделись мне на шумном вечере сытых богатых людей... Раньше дворец принадлежал всем писателям города, теперь одному человеку...

Они всё восстановили – и масонский зал, и библиотеку, и лестницы... В библиотеке стоят антресоли, лестницы резные к ним, а для кого? Там и книг-то нет. Я хотел им предложить нашу писательскую библиотеку, да мысленно рукой махнул – не в коня корм!

– А вы знаете, где сейчас писательская библиотека? – спросил я, с тайным умыслом похвастаться добрым делом.

– Конечно. Я ее сам и перевозил, – к моему удивлению сказал Гранин. – Она на Васильевском...

– Ну да, да, – покивал я, припомнив, что Гранин с губернатором Яковлевым действительно были приглашены в ка-

честве почетных гостей на выставку раритетов после перевоза.

Я спросил, не читал ли он мою недавнюю статью «Город на костях? Мифы Петербурга» в «Невском времени». Не читал. Я обозначил основную мысль, сказал, что триста тысяч трупов, которые приписывают Петру I, это чуть меньше самого большого в мире мемориального Пискаревского кладбища. Археология – наука материальная, не найдено в Ленинграде-Петербурге захоронений петровского времени такого объема. Не в Неву же умерших сбрасывали...

Гранин согласился, что Петербург построен не на костях и Петр вовсе не душегуб. Вспомнил Аню Андрееву из Меншиковского дворца, которая консультировала и меня, и его, когда он писал свой роман «Вечера с Петром Великим». Это меня порадовало. Сказал, что иностранные послы интриговали против Петра и завидовали становлению России у Балтийского моря, отсюда и разговоры о немыслимых жертвах. Да и московские бояре не жалели сплетен о Петре и его жертвах. Гранин сказал, что даже сейчас Москва ревнует к переносу Конституционного суда в Петербург. «Я тут с этими ребятами говорил, они настроены против. Председатель Верховного суда Зорькин... Да, они против...»

Гранин сказал, что сегодня сняли с должности Генерального прокурора Устинова, который недавно пообещал бороться с коррупцией. Сказал, что комментарии пока очень невнятные.

Пришло время расплачиваться, я сунул нос в принесенный счет, засуетился с деньгами. Гранин строго посмотрел на меня:

– Я приглашал, я заплачу.

Изучил счет. Спокойно отсчитал деньги. Спокойно добавил чаевые.

Меня поразило, как он уважительно обходился с деньгами. Не пренебрежительно, не скуповато, а именно уважительно. Он знает им цену...

21 сентября 2006 г.

Был в Финляндии на культурном форуме. В мое отсутствие звонил Даниил Гранин, просил перезвонить по приезду. Сейчас позвонил ему на дачу в Комарово. Похвалил мои «Хроники смутного времени» в № 7 «Невы», сказал, что надо продолжать вести дневник, он дорогого стоит. «Дневники – как коньяк, чем дольше выдержка, тем ценнее...»

Пригласил «просто так» заехать к нему на дачу.

5 сентября 2007 г.

Звоню Гранину на дачу.

Начинаем разговор с погоды. Вот, говорит Гранин, радуюсь солнышку, теплым осенним денькам, а как ты поживаешь? Пишу, говорю, радуюсь, что ушел от административной работы, денег пока мало, но свободы много. Рассказываю о питерском вкладыше в «Литературную газету», кото-

рый мне предложил выпускать Юрий Поляков. Он прочит этому проекту успех. Это хорошо, говорит Гранин, нужное дело. Назовите его «Невский проспект»².

Напоминаю Гранину, что мы должны встретиться на конференции по блокаде. Рассказываю, как я поздно узнал об этой конференции и сделал заявку через историка Никиту Ломагина. Хочу, дескать, сделать доклад, показать фильм о «коридоре смерти». Гранин говорит, что он организовал эту конференцию и на ней все будет очень строго, – улавливаю легкое недовольство, что его обошли. Хотя приглашение, которое мне прислал по факсу Ломагин, подписано Граниным. Я даю задний ход – дескать, против воли организаторов идти не буду: дадите слово – выступлю, не дадите – послушаю. «Я организовал эту конференцию потому, что мне кое-что было непонятно в блокаде Ленинграда, – рассуждает Гранин, – как фронтовику, как писателю. Почему, например, немцы не сделали того или иного. Почему наши сплеховали в сентябре... Конечно, о блокаде можно говорить долго и всего не скажешь, а вот конкретные явления мне очень интересны...»

Потом Гранин говорил о том, что моя десятилетняя деятельность на посту директора ЦСЛК не должна остаться без благодарности – писатели имели приют, место для встреч и всё такое прочее. Вспоминает, сколько сил он сам отдал Союзу писателей, когда был председателем и секретарем парткома, и голос у него начинает дрожать...

² Так и называли вкладыш в «Литературную газету» – «Невский проспект».

8 сентября 2007 г.

Был на конференции по блокаде. Шикарный отель недалеко от Сенной площади. Прозрачные лифты, запах свежего кофе, на лицах швейцаров читается скрытая ненависть к посетителям и тоска по прежней милицейской работе: дубинка, пистолет, наручники...

Канадский и американский профессора делали доклады. В переводе звучит гладко, но вскоре приходишь в недоумение и бешенство – общие слова, риторика, такое ощущение, что сами не понимают, о чем говорят. «Эта информация требует изучения». Эти ребята знают о блокаде из учебников и научной литературы – для них она, как изучение Луны или Марса. Они ее не чувствуют.

Канадский ученый наехал на финна – дескать, вы не забывайте, что Финляндия была союзницей Германии! А то некоторые, понимаешь, забывают, что участвовали в блокаде Ленинграда. (Напишу, быть может, отдельно.)

Как Гранина на все хватает? Организовать такую конференцию! Он выступал сжато, но панорамно. В сентябре был момент взаимной растерянности оборонявших город и наступавших. Немцы словно испугались войти с южного направления в Ленинград. Или боялись подвоха и ждали ценных указаний из Берлина. Гранин сказал, что этот вопрос требует особого изучения.

30 декабря 2008 г.

На афишных тумбах – портреты почетного гражданина Санкт-Петербурга Даниила Гранина, ему исполняется 90 лет. Фото очень красивое, благородное. Гранин под стать Петербургу, он с ним единое целое.

...Каждая встреча с Граниным начиналась с его вопросов: «Ну, что нового? Как работается? Что натворил?» Иногда для затравки разговора Даниил Александрович рассказывал анекдот. У меня хранится небольшая, но сочная подборка его анекдотов. Надо ли говорить, что они сильно отличаются от подборок на соответствующих сайтах и репертуара записных юмористов?

Мы ехали на острова, сживали в кафе, где Даниил Александрович чудесным образом заставлял рассказывать о себе официанток и барменов. Его узнавали, вспоминали прочитанные книги, благодарили, долго не отпускали, приглашали заходить еще...

Гранин объяснил:

– Ты понимаешь, работа официанта – это сплошное одиночество. Принес заказ, и посетителю ты больше не нужен. А многие идут работать в надежде на общение, интересные встречи... Чаевые – не самое главное. Им хочется поговорить, пообщаться, высказаться...

Обладая статусом Почетного гражданина Санкт-Петербурга и соответствующим удостоверением, Гранин имел моральное право на некоторые преференции, которые я от его

имени пытался конвертировать в нужные нам проезды и стоянки.

Мы подъезжали к шлагбауму, я выходил к охраннику, называл фамилию своего пассажира, скороговоркой добавляя почетные звания, и просил разрешения проехать поближе к природе или архитектурным ценностям. Иногда открывали без звука, и выходили посмотреть-поклониться, сказать что-то похвальное, вроде: «Вашего «Зубра» читал с удовольствием. А моя мама была в вас влюблена!» Иногда морщили лоб и переспрашивали фамилию, потом звонили начальству: «Тут просят писателя какого-то пропустить. Говорят, почетный гражданин... Гаранин, кажется...» Я брал трубку, и обычно не отказывали, лишь интересовались, с какой целью известный писатель решил посетить их яхт-клуб или музейный комплекс.

– Говорит, много слышал о вашей организации от губернатора и президента. Решил посмотреть...

– Милости просим, милости просим... Я сейчас подойду.

– Не обязательно. Он не в настроении. Хочет тишины и покоя...

– Пожалуйста, пожалуйста. Как скажете. Дайте трубочку охраннику.

Вернувшись в машину, я объяснял некоторую задержку смущением, которое охватило охрану от его незапланированного визита.

– Чуть в обморок не упали, услышав вашу фамилию.

– Смеешься над стариком... – улыбался Даниил Александрович, делая ручкой стоящему навытяжку охраннику. – Те, кто младше тридцати, почти не читают... Им надо деньги зарабатывать, а литература этому не учит... Поганое время – кругом одни деньги. Спортивная передача – о доходах футболистов, экономика – курсы валют, театр – сколько стоила постановка, и кто спонсировал, музыка – сколько стоила виолончель Растроповича. Все к деньгам пытаются свести...

Расположившись на парковой скамейке или на мостках возле плавающих по зеркалу пруда лебедей, мы продолжали неспешный разговор о литературе и жизни.

И что характерно, я никогда не слышал от него худого слова в адрес коллег-писателей! Что в писательской среде встречается чрезвычайно редко. Вру! Однажды он брезгливо махнул рукой в адрес одного московского литературного начальника и бросил подобающее ситуации слово. Всё!

Гранин прекрасно понимал, что такое наш брат писатель и писательский труд. Однажды, сетуя на собственную бестолковость (долго раскачивался, хотя начал печататься в двадцать лет, мало написал, много времени провел в занятиях пустяками и т. п.), я прочитал стихотворение Наума Коржавина:

Ни трудом и ни доблестью
Не дорос я до всех.
Я работал в той области,
Где успех – не успех.

Где тоскуют неделями,
Коль теряется нить,
Где труды от безделия
Нелегко отличить...
Но куда же я сунулся?
Оглядеться пора!
Я в годах, а как в юности —
Ни кола, ни двора,
Ни защиты от подлости, —
Лишь одно, как на грех:
Стаж работы в той области,
Где успех – не успех...

Гранин кивнул: «Правильное стихотворение. Коржавин – умница, хороший поэт...»

Помолчал, вздохнул: «Человек должен состояться... Это его обязанность. Я много думал об этом. Почему один при скромных талантах находит себя, а другой – хорошо одаренный, разносторонний – и дело кончается пшиком?

Я пожал плечами, не зная ответа.

– За талантом надо приглядывать, – раздумчиво произнес Гранин. – А на себя не наговаривай. Ты и написал много, и сделал многое. Самоуничижение паче гордыни... Никто не знает, что будут читать через пять или пятьдесят лет. Вот, Коржавин! Пока есть пишущие люди, его стихотворение будут цитировать...

Даниил Гранин много делал для коллег-писателей. Сейчас

кое-что забылось, обросло пустыми разговорами, досужими рассуждениями. Но вот простой факт. Он дал сто двадцать рублей моему любимому Виктору Конецкому на покупку пишущей машинки. Виктор Викторович находился тогда в начале своего литературного пути, и без поддержки молодое дарование с флотской выправкой могло пойти совсем иным путем. Кланяюсь Гранину за этот поступок еще и потому, что В. В. Конецкий дал мне потом рекомендацию в Союз Писателей.

Мы говорили о разном. О литературе, политике, женщинах, детях, собаках, птицах, деревьях...

Деревья – их весеннее пробуждение и осеннее угасание – особенно притягивали Даниила Александровича. Мы ездили по Крестовскому острову, и Гранин просил: «Давай к тому дереву подъедем!»

Останавливались, выходили.

– Ты смотри, каждое дерево знает, когда ему пробуждаться, когда соки к веточкам гнать, когда почкам лопаться, когда листочки разворачивать!

По осени мы шуршали листвой, и Гранин улыбался: «Красота! Какая роскошь! Какая красота!»

Однажды, видя мое смурное настроение, Гранин позволил себе нравоучительные рассуждения. В том смысле, что надо радоваться каждому прожитому дню. Радоваться то-

му, что просто живешь! Нас окружают тысячи опасностей, не совместимых с жизнью. Начиная со смертельных вирусов, несчастных случаев, катастроф, войн, и кончая тяжелейшими болезнями, которые замучаешься лечить. Житейские невзгоды – это пустяки. Каждый прожитый день должен быть самым счастливым, надо быть благодарным за то, что живешь.

Спасибо, Даниил Александрович! Часто вспоминаю Ваш монолог.

Даниил Александрович был несуетливым человеком. Он критиковал перекосы нашей жизни без въедливого азарта, любил порассуждать, привести исторические примеры, вспомнить для сравнения за границу, былые времена. Лишь однажды я услышал от него: «В какое бесстыжее время мы живем!»

Отдельные суждения я записывал на диктофон и с согласия Даниила Александровича публиковал:

Фрагменты интервью газете «Невское время» (11. 09.2008 г. и 30.12.2008). в рубрике «Писательский Клуб в доме Набокова»

Святые на Руси есть – не хватает честных

Даниил Гранин: ...Сколько ни увеличивай оклад совре-

менному чиновнику – он всё равно будет брать взятки. Я когда-то в романе о Петре привел историю с новгородским губернатором. Петр назначил на эту должность честного и порядочного человека. Но вскоре посыпались жалобы, что он ведет себя корыстно. Царь его вызвал: «В чем дело?» – «Вот, государь, мне приходится приемы устраивать, дом содержать соответственно, красиво одеваться – жалованья не хватает, приходится брать». – «А сколько тебе надо?» Он назвал сумму втрое большую, чем получает. Петр дал ему такое содержание. Через полтора года опять появились жалобы, Петр его вызвал. Губернатор говорит: «Виноват, государь, не могу удержаться...» Петр его казнил. Взятничество не может быть побеждено увеличением окладов, раздачей квартир и прочих благ... <...>

...Мы не в состоянии привести в пример нашу сегодняшнюю жизнь. Святые на Руси есть, не хватает честных людей, которых можно приводить в пример. И при этом каждый из нас считает себя порядочным человеком...

...Вот башня Газпрома. Никто не выступил, не объяснил, почему нужна высота четыреста метров, а не восемьдесят. Почему нужно возвести ее обязательно рядом с историческим центром? Почему нельзя отнести на окраину? Никто не разговаривает с нами. Я больше того скажу, наступил экономический кризис. И кто с нами разговаривает? Мы лишь подслушиваем по телевизору, о чем Путин или президент говорят с министрами. Словно стоим за дверью и слушаем

чужие разговоры. Это разве дело? Когда в Америке был великий кризис, президент Рузвельт раз в неделю обращался к нации. Почему передо мной не выступают служащие, которым я плачу деньги? Я как налогоплательщик плачу и Путину, и Медведеву, чтобы они хорошо работали. Почему они не рассказывают мне ясно и понятно, что происходит в стране, которой они от моего имени управляют? Об этом даже никто вслух не хочет говорить.

Д. К.: Как вы считаете, должна современная литература оказывать духовное сопротивление? Или ее удел – развлечение читателя?

Д. Г.: Литература должна оказывать духовное сопротивление этому растленному, преступному, бесчестному и немилосердному обществу! И иногда она это делает. Литература – вещь штучная, антикварная, раритетная. Достоинные вещи встречаются не так часто. <...>

Дмитрий Каралис: Вам приходилось отступать от принципа, который завещал отец: «Поступай всегда так, как будто от тебя зависит судьба России»? Или приходилось идти на компромиссы?

Даниил Гранин: Прожить жизнь без компромиссов невозможно. Приходится кому-то уступать, даже переступать закон, потому что есть такое понятие – справедливость, которое выше закона.

Вот на войне. В 1942 году в нашу часть прислали ребят-новобранцев. Они пришли в ужас от увиденного в пер-

вом бою и занялись самострелами. Их приговорили к расстрелу – по закону. Но этого никак нельзя было делать. Мы ходили, хлопотали за них, двоих удалось отстоять – они потом стали хорошими солдатами... <...>

...Тема войн – прошедших и будущих – не раз вставала в наших беседах. Гранин называл меня милитаристом и охлаждал мои страхи перед ядерным кошмаром ссылками на знаковых ученых.

– Я разговаривал с ребятами-ядерщиками, оборонщиками. Допустим, Америка начинает войну, летят ракеты. И через семь минут у ее берегов всплывают наши подводные лодки. Ответный удар, и планета тонет во мраке. И все это понимают. Кому нужна такая война?.. Кто в ней победит?

Даниил Александрович прочитал мой сценарий художественного фильма «Коридор бессмертия», согласился быть военно-историческим консультантом картины. Он приезжал на зимние съемки возле Ростральных колонн, делал замечания по черновому монтажу фильма. Дал последнее в своей жизни интервью для документально-исторической ленты «Блокадная кровь» по моему сценарию.

Замечания делал точные и бесценные!

– Почему такие артистки румяные? – строго вопрошал у режиссера. – Это же блокада, сорок третий год! А они у вас как с танцулек идут.

Режиссер Федор Попов соглашался с промахом, обещал

«подбледнить» персонажей.

Гранин внимательно смотрел эпизод с неразорвавшимся снарядом, угодившим в железнодорожное полотно, как его извлекают, как на свет фонарика прискакал заяц...

– Все правильно. Но не страшно. Обыденно как-то... И затагнуто.

В самую точку!

Позволю предложить вниманию читателей два интервью Даниила Гранина, данные «Литературной газете». Мне кажется, эти материалы дадут ясное представление о широте и глубине узора его мысли. Пусть прямая речь классика прозвучит без интерпретаций...

Даниил Гранин: Отступить некуда!

(Интервью «Литературной газете», 6 июня 2011 г.)

Дмитрий Каралис (Д.К.): Даниил Александрович, мы беседуем с Вами накануне 70-летия начала Великой отечественной войны. Вы писали в своих воспоминаниях, что когда началась война, в индустриальном центре страны Ленинграде не хватало оружия, и народное ополчение, в которое вы вступили, выменивало на продукты и табак у отступавших красноармейцев винтовки и патроны – нечем было воевать. Нет ли у вас ощущения, что случись беда, мы вновь окажемся не готовы?

Даниил Гранин (Д.Г.): Думаю, у нас сейчас другая, более серьезная неготовность. Вооружение можно сделать, купить, и этим вроде занимаются. У нас моральная неготовность к

войне – армия разложилась. Почему? Во-первых, дедовщина не прошла даром. И все злоупотребления офицерского и генеральского, подчеркиваю – генеральского! – состава. Мы постоянно слышим о злоупотреблениях, но, думаю, это лишь небольшая часть того, что творится в армии. Культ рубля разложил армию. Мало этого, офицеры были лишены жилья, они понимали, что в отставке им жить будет нигде... Ощущение невостребованности унижительно для военного человека, оно деморализует. И второе. Понятие патриотизма обмельчало, истощилось. За что воевать? За олигархов? Я неслучайно упомянул олигархов. Как ни парадоксально, сегодня они – самые почетные люди. Они и чиновники-пираньи – вот так называемая элита нашего народа. А мы – планктон. Понимаете, раньше был его величество рабочий класс. И в этой метафоре была какая-то часть правды – люди, занятые физическим созидательным трудом, пользовались почетом и уважением. Было крестьянство, худо-бедно кормившее страну. И была прослойка – интеллигенция. Сейчас нет рабочего класса, нет крестьянства. А есть олигархи и чиновники – вот два сословия, которые забрали себе все блага жизни, и позволяют себе всё, что угодно. Армия перестала быть частью народа. За что она будет воевать?..

Д.К.: В недавно вышедшей книге воспоминаний «Всё было не совсем так...» вы поднимаете тему военнопленных. Оказывается, в США бывших военнопленных награждают орденами, есть специальная медаль военнопленным. И во

Франции плен засчитывается как время, “проведенное в условиях войны”. Бывшие военнопленные окружены почетом и заботой, имеют массу льгот. Нечто подобное было и в царской армии. Воинские чины, вернувшись из плена, получали жалованье за все время нахождения в плену, а их семейства – половину того содержания, какое их главы получали на службе в день взятия в плен...

«У нас же семьи военнопленных становились бесправными, – пишете вы. – Я уж не говорю о том моральном терроре, которому они подвергались. В этом смысле ужасна наша неблагодарность по отношению к сотням тысяч безвинно попавших в плен солдат, неблагодарность, которая длится до сих пор. Мы никак не можем отдать должное им, участникам Великой Отечественной войны, даже спустя столько лет отказываем им в праве на это звание...»

Почему так?

Д.Г.: Сталину казалось, что, ужесточая судьбу пленных и их семей, мы не разрешим бойцам попадать в плен. Это рассуждения невоенного человека. Пленные – обязательная часть войны. У нас отношение к людям, попавшим в плен, было безжалостное, несправедливое, и после войны, спустя десятилетия, мы все равно не изменили своего отношения к пленным, они оставались людьми второго сорта, виноватыми перед страной, хотя они не были виноваты...

Д.К.: Сейчас много говорят о десталинизации страны, почему бы президенту хотя бы через семьдесят лет после нача-

ла Великой Отечественной войны не поставить точку в вопросе с пленными? Реабилитировать их, перевести из разряда людей второго сорта в равноправных участников великой войны?

Д.Г.: Это было бы справедливо. Возможно, в самые последние годы что-то было сделано, какие-то реабилитации происходили, я не знаю. Но если нет, то будет совершенно справедливо восстановить человеческое отношение к своим пленным, которое было и в царской России, и есть в других армиях. Уважительное отношение к людям, которые не виноваты. Пленные – это неизбежность войны, так же, как убитые и раненые. Немцы попадали к нам, мы попадали в плен к немцам... Особенно в первый период войны, попадали в плен массово, пока не очухались и не научились воевать. Я помню, мы лежали в кустах и видели, как наших пленных гнали на Запад, в Германию...

Д.К.: В своей книге вы говорите, что в Петербурге до сих пор нет памятника Победе над фашизмом. И вспоминаете, как обратились к губернатору города Валентине Матвиенко с предложением воссоздать триумфальные ворота, через которые наши солдаты входили в город в 1945 году. Почему именно ворота? И есть ли перспективы у памятника Победе через 66 лет после окончания войны?

Д.Г.: Триумфальные арки – старинная традиция. Например, сохранилась триумфальная арка при входе в Петропавловскую крепость. Она до сих пор красуется. Есть Москов-

ско-Нарвские ворота в честь победы в войне 1812 года, есть Московские ворота... Петербург – город столичный, с европейскими традициями, и в 1945 году, несмотря на блокадную разруху городские власти соорудили несколько триумфальных арок для возвращающихся с фронтов воинов-победителей. Их делали наспех, из фанеры, но они были красивые и величественные – это хорошо видно на фотографиях. Я предложил нашей мэрии соорудить триумфальную арку в честь Победы в мае 1945 года. Выбрали хорошее место в конце проспекта Стачек, при въезде в город, архитектор Владимир Попов сделал проект, и город уже выделил деньги на эту арку, но зачем-то вмешался городской Общественный совет и пошли разговоры, что деньги надо беречь, лучше отдадим их на строительство квартир для ветеранов. Ни Петр I, ни наши правители в последующие годы не рассуждали таким образом. Они действовали по принципу: Кесарю – кесарево, и строили триумфальные арки как символы победы. А тут вдруг через шестьдесят лет проявили заботу о ветеранах! В общем, задробили этот проект, губернатор не захотела конфликтовать с общественностью. Ведь у нас в Петербурге, как не странно, нет памятника Победе. Есть памятник Аникушина блокадникам, а памятника Победе нет. Огорчительная история для нашего города, не нашедшего денег на триумфальную арку. Чем дальше мы уходим от мая сорок пятого, тем меньше шансов на монумент...³

³ Благодаря стараниям Д. А. Гранина, к 70-летию в честь Победы в Великой

ДК.: В ваших записках вы размышляете: «Я знал Россию, ту, что поднялась на Великую Отечественную войну, спасая свои народы от фашизма, а за ними и Европу. Знал ее и после войны, когда оголодавшая, разутая, бездомная, стала она восстанавливаться. Я хорошо знал эти две России, потому как сам и воевал, и восстанавливал разруху.

То были два прекрасных народа. Трагические испытания подняли их дух как никогда раньше. Другой России мне не надо. А мне сообщают, что России осталось жить не больше 50 лет, дальше она станет мусульманской страной, русский язык исчезнет, русские разбредутся по всему миру подобно евреям и все ее прошлое обернется мифом».

И далее никак не комментируете эти высказывания. Не могли бы поделиться своими представлениями о будущем России с читателями «ЛГ»?

Д.Г.: Конечно, пессимизм – вещь безошибочная, тем более прогнозы на пятьдесят и более лет проверить трудно. Но такие пессимистические настроения в обществе не случайны, потому что в нашей жизни отсутствует идея. В советской жизни было много показухи, но был и подлинный энтузиазм. Вспомните освоение целины, бригады коммунистического труда. Как рождался энтузиазм, на чем основывался? Была цель! Мы хотели превратить свою страну в благополучную, справедливую, в страну, где царит уважение

Отечественной Войне город воздвиг Триумфальную Арку Победы в Красном Селе. Деньги на строительство собирали всем миром.

к труду, соблюдается равноправие граждан. Сейчас мы совершили тяжелую ошибку – перечеркнули советскую жизнь. Семьдесят пять лет жизни страны! Была создана великолепная культура – музыка, театр, кино, песни, литература, поэзия – всё осуждено. «Нет-нет-нет, мы начинаем всё заново!» Это вдвойне обидно, потому что вновь наступаем на грабли 1917-го года, когда перечеркнули всё, что было при царизме. До основания. Это несправедливо по отношению к своей собственной истории, к своим родителям, предкам, да и потомкам. Несправедливо! И в то же время новая жизнь не сумела ни заместить прежней культуры, ни продолжить ее. Мы не можем перечислить таких достижений, которые создавали бы новую идею жизни. Куда мы идем, чего хотим? Ведь мы хотим всё того же – справедливого устройства общества, счастья. Если б можно было измерять количество счастья в стране, количество счастливых людей, я думаю, показатели явились бы довольно любопытные. По сравнению с Европой, которую мы всегда называли гнилой, у нас количество счастливых регионов, сословий, отдельных людей, весьма невелико. Из чего слагается счастье? Семья, работа, жилье, здоровье, возможность получить образование, уверенность в завтрашнем дне... Мы все испортили. Образование – господин Фурсенко! Что характерно – общество возмущено, критикует реформы в области образования, учителя в панике, стали напрямую говорить об отставке Фурсенко, но он безразличен к мнению общественности.

У нас все нравственные показатели сильно попорчены. Семья испорчена – наркомания, пьянство, разрыв между поколениями – порвалась цепь времён... Богатство оказалось ловушкой. С одной стороны дворцы, виллы... Поезжайте в наше Ильичёво, где Ленин перед революцией скрывался – что там за высокими заборами? Там теннисные корты, бассейны, жизнь роскошная, под стать жизни американских миллионеров. И наряду с этим – коммуналки, которые растянулись на восемьдесят лет, и кривые домишки. Таких чудовищных контрастов никогда не было! Ну, были обкомовские пайки – давали какую-нибудь красную рыбу к празднику, были госдачи, служебный транспорт... Но такие контрасты, как Куршевель, как заработки жен наших министров (министр получает двадцать миллионов, а жена его – сто двадцать миллионов!) мы и вообразить не могли. Откуда, почему? Никаких объяснений. Если жена такая успешная труженица, может быть, ей и работать министром на благо страны?

Будущее народов России зависит от морального климата в стране, от народного духа.

Но хочу сказать и о наших СМИ. Они в течение нескольких лет очень критично рассказывают о нашей жизни. Имеют на это право. Но от этого негатива в душах людей накапливается тяжелый металл, всё покрывается свинцовым налетом равнодушия, пеплом бесчувствия... Да, пусть сократился уровень честности в обществе, т. е. на круговой диаграмме сектор честности сузился, стал совсем тоненьким, но

все-таки он есть. И что делать, чтобы он вырос? Это надо обсуждать, выносить с помощью СМИ на всенародное обсуждение... Конфуций говорил еще 2500 лет назад: “Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку”. И Народный фронт должен быть не для того, чтобы избрать Единую Россию, а для того, чтобы понять, как нам наладить нашу жизнь...

ДК.: Вы считаете, Фронт создавался, чтобы наладить нашу жизнь?

Д.Г.: Нет, фронт как раз – из области избирательных технологий. А я имею в виду, что нам нужно обсудить, как дальше жить, куда идти. Нужны примеры порядочности, милосердия, терпимости, сострадания. Есть такие люди и примеры на Руси! Но о них никто не рассказывает, это не жареное, а значит, журналистам неинтересно. Почему мы не спешим рассказывать о хороших людях, которых становится всё меньше? Они и могут быть опорой современному человеку, как святые в России когда-то.

Приведу пример. Недавно я был на юбилее, отмечали 80 лет со дня рождения покойного Владимира Андреевича Алмазова. Это был очень известный кардиолог, сейчас существует огромный центр, носящий его имя. Собрался весь цвет питерской медицины, приехали москвичи, вспоминали, говорили. Я был знаком с Алмазовым – мы с ним в бытность народными депутатами сидели вместе на заседаниях, очень он мне нравился. И вот меня попросили сказать. За-

стали врасплох – я собирался уходить. Все уже сидят, едят, разговаривают... И я решил – скажу не им, а скажу Алмазову. Скажу, Владимир Андреевич, вы ушли из жизни, и теперь можно издали взглянуть на вашу жизнь, почему центр назван вашим именем, почему люди приехали почтить вас, что это была за жизнь? Каждая жизнь должна иметь свой узор, свою картину, которая складывается, появляется после ухода. Да, вы талантливый кардиолог, вы создали свою школу, но школ создано много. А что же было в ней своего, алмазовского? Теперь я понимаю, что это было, это очень важно для вашей профессии – сострадание. Знание – да, талант – да, преданность делу – да, но это качество сегодня почти исчезает, и поэтому она стала такой дорогой, это – сострадание. Вспоминаю одну сцену в отделении для детей. Я был тогда в обществе «Милосердие», и Америка прислала нам полвагона одноразовых шприцов, была такая проблема. Я позвонил Алмазову: «Владимир Андреевич, хочу передать вам шприцы...» А заодно прислали детские игрушки, конфеты, сладости, консервы, но главное – игрушки. Приехали, сдали шприцы, он говорит: «Пойдемте на детское отделение». И пришли детишки с мамами, у некоторых онкология, вид такой – ужас! Я предложил: вот три девочки постарше, пусть они распределяют сами. Он мне шепчет на ухо: «Неудобно, получается, что мы не доверяем врачам...». Я говорю: врачам доверяем, но я хочу, чтобы дети сами раздали игрушки и сласти. Мы отдали, вышли, походили по своим делам, по-

том вернулись через час. Боже, как преобразились эти дети! Как они были счастливы! И как всё это распределилось! Без обид, они сами обмениваются, улыбаются этой в сущности ерунде. И когда мы зашли к нему в кабинет, он заплакал. И я даже не спрашиваю, почему. Я сам был в близком состоянии. Сострадание появилось не от мук, а от счастья. Вот, я думаю, одна из самых серьезных сегодня проблем – нет сострадания. Когда-то Достоевский об этом писал. Сострадания у нас не стало. Мы исчерпали сострадание к нищим, потому что нищие тоже оказались коррумпированными, мы уничтожили сострадание к больным, потому что там побои. И не потому больные лежат по коридорам, что нет денег, а потому, что эти деньги уходят куда-то в другое место, потому что врачи тоже стали хищниками. Не все, но берут.

Вот губернатор Матвиенко приводила пример, что главный врач больницы получает двести тысяч в месяц, а врач – двадцать тысяч. Это справедливо?

Я бывал дома у Сахарова, у Лихачева, у нобелевского лауреата Гинзбурга. Какая это была скромная жизнь! Как красиво и благородно они жили. Скромно, не для примера, хотя это был пример. Они так жили, потому что это интеллигентная жизнь. Я бывал в Германии у президента академии естественных наук Штубе. Такая же скромная жизнь. Это прилично. А другая жизнь – неприлично. Мы по сути дела страдаем поклонением перед Западом. Мы перенимаем всё, даже песню про день рождения поём американскую, своей

не можем сочинить. Я думаю, понятие приличности жизни культурного интеллигентного человека, приличности европейского уровня, мера европейского приличия должна быть примером.

Д. К. А пример успешного бизнесмена, предпринимателя, олигарха?

Д.Г.: Раньше были герои труда – Стаханов, Бусыгин, Демченко, Кривонос, их знала вся страна, у них учились работать, им пытались подражать. Сейчас – Абрамович, Потанин, Прохоров... Что это за примеры? Откуда у Абрамовича эти миллиарды долларов? Если бы он был изобретателем, или капиталистом типа промышленника Форда или технолога Гейтца, это было бы оправданно и вызывало восхищение, желание подражать, изобретать, чтобы стать миллиардером. А наши миллиардеры в большинстве своём (может быть, и не все) – это хищники, они любят говорить: «я оказался в нужном месте в нужный момент». А как ты оказался? Почему это *ты* оказался? Я, например, не могу оказаться. И еще миллионы россиян не могут оказаться. Я кончил институт, воевал, восстанавливал страну, работал... Но искусство оказаться в нужном месте в нужный момент нам не преподавали. Это не пример для подражания.

ДК.: Вы верите, что власть хочет и может победить коррупцию?

ДГ.: Власть непрерывно заявляет, что готова бороться с коррупцией. Но бороться, значит, наказывать. А о чем сви-

детельствует безнаказанность?.. Я не говорю, что власть по-творствует, но ей явно не хватает воли, чтобы действительно расправляться. Как это делают в Китае? Эти страшные кадры показывали по нашему телевидению. Ставят на колени, стреляют в затылок, и все падают... Кого расстреливают? Взятчиков, казнокрадов... Мы молчим о результативности этих действий, не берем китайский опыт. А Китай – страна древней культуры, и не думаю, что они употребляют такие крайние меры, не прикинув, насколько это может быть результативно, и как сказывается на преступности. Если не казнить, то хотя бы безжалостно наказывать. Я вижу, что разоблачения наших взяточников и казнокрадов ни к чему не приводят. Чем выше положение, тем безнаказаннее проходит воровство. У нас не было ни одного показательного процесса ни над губернатором, ни над министром, ни над депутатом. Показательного процесса, который показал бы, что государство не считается с положением и должностью, а считается с законом, и закон неизбежен, и наказание для всех неизбежно и равно. Не было такого! Ограничиваются мелкой сошкой – милиционерами, начальниками какого-нибудь ГИБДД. О чем это говорит?..

Д.К.: Что вы можете пожелать редакции и читателям «ЛГ»?

Д.Г.: Скажу следующее: многие СМИ воспитывают толпу. Есть два понятия: народ и толпа. Разница между ними в том, что народ имеет свою историю. Толпа не имеет истории.

Толпа – явление стихийное и временное. Есть такое понятие – следовать за толпой. Мы сейчас всё больше следуем за толпой. На потребу толпе – жареное, сплетни из шоу-бизнеса, кто с кем, сколько раз, кто развелся, кто женился. Недавно я смотрел про какие-то страшные тайны известной певицы. Оказывается, у нее был сын, она скрывала, он сидел в тюрьме. Зачем? Для кого это? Это для толпы!

У нас единственно есть «Новая газета», у которой своя позиция, своя физиономия, и «Литературная газета», в которой бывает что-то своё, не в смысле даже литературной критики, а в смысле положения культуры, нравственных проблем. И почти ничего больше. Всё остальное – мусор. Я может быть, резко говорю, но я не специалист по СМИ, у меня нет времени изучать. Но я не вижу ни одного печатного органа, который поднял бы большую проблему, достойную обсуждения всей страной, чтобы обсуждать честно и неравнодушно, созвав для разговора все интеллектуальные силы. А разговор этот необходим! Чем скорее, тем лучше. Отступить некуда!

Д.К.: Мы очень надеемся, что такая дискуссия вскоре состоится и, вы примете в ней самое непосредственное участие. А может быть, и начнёте её. Позвольте от имени наших читателей пожелать вам здоровья и новых книг!

Д.Г.: Спасибо!

Город-герой Ленинград – Санкт-Петербург.

"Каждый день должен быть самым счастливым"

Опубликовано в газете "Невское время" 30-12-2008

1 января исполняется 90 лет Даниилу Гранину.

Выдающийся российский писатель, почетный гражданин Санкт-Петербурга побывал в редакции "Невского времени" – ему было посвящено внеочередное заседание Писательского клуба. В беседе принимали участие главный редактор газеты Михаил Иванов, писатель Дмитрий Каралис, заведующий отделом культуры Владимир Желтов, руководитель отдела спецпроектов Сергей Ачильдиев.

Михаил Иванов (М. И.): Прежде всего я хочу искренне поблагодарить вас от имени читателей "Невского времени" за то, что вы нашли возможность встретиться с нами в доме Набокова. Я, как главный редактор, очень этому рад. В первую очередь мы хотели бы поговорить не столько на литературные темы, сколько о нашем общем бытии, поскольку ваш авторитет весьма высок среди петербуржцев, и ваше мнение по разным вопросам хотелось бы знать многим нашим читателям. Даниил Александрович, сейчас на Россию, на мир нагрянул кризис, он только-только разгорается, нас пугают, что будет еще страшнее, но у меня есть такое ощущение

ние, что в России этот кризис бушует уже давно, и не столько в сфере материальной, сколько в сфере духовной, нравственной. Разобщенность, равнодушие друг к другу, озлобленность, апатия. Многие люди искусства признают, что Россия сейчас переживает вакханалию безнравственности, – в стране главенствуют абсолютно дикие инстинкты, культ силы, денег, наглости, а духовность ушла в подполье.

Что с нами случилось? Почему мы так неожиданно превратились из самой читающей страны в страну, потребляющую низкопробную продукцию? Из страны, которая гордилась своим превосходством именно в духовной сфере, мы ушли в вульгарный материализм. Способны ли мы с этим справиться? Какова роль писателя в этом процессе? Вы много всякого повидали на своем веку, считаете ли вы нынешнее время чем-то исключительным?

Даниил Гранин (Д. Г.): – Безусловно, нынешнее кризисное время исключительное. Мы, как и весь мир, сегодня не знаем, почему это произошло и к чему приведет. Как ни странно, огромное количество всевозможных институтов прогнозирования, экономистов, социологов, статистиков и прочий аппарат, который вроде работал и существовал, будь то в Америке, будь то в Германии и любой другой стране и у нас тоже, обанкротились. Никто не смог предугадать кризис. Теперь задним числом начинают рассуждать: мы предвидели, мы говорили, мы предупреждали. Все это ерунда! На самом деле кризис свалился как снег на голову! Таинственная

и непонятная ситуация. В чем причина? Ну, в Америке ипотека. А в Японии никакой ипотеки нет. В Германии тоже ничего подобного. У нас ипотека вообще в зачатке. И на всех свалился кризис, размеров которого мы не можем представить, и сам процесс непонятен, что это такое.

Теперь о нравственной нашей жизни. С одной стороны – культ денег, в котором уже воспитано нынешнее поколение. И старшее поколение отхлебнуло из этой чаши. Если у тебя много денег – значит, ты умный, талантливый. Мало денег – значит ты ничтожество. Культ денег породил падение критериев морали, нравственности и прочих гуманитарных ценностей. И в связи с кризисом общество может ожидать полное озверение. Я имел деньги – деньги мои лопнули, банк лопнул – кто виноват? Кто украл мои деньги, кто украл мое имущество?.. Возьмем телевидение, к которому столько претензий по части нравственности. Оно сейчас лишается рекламы предметов роскоши и роскошного образа жизни. Автомобили, коттеджи, электроника, наряды, рестораны и так далее – все это уже не заказывается, не требуется. Значит, эти доходы исчезают, рейтинги обесцениваются, телевидение начнет менять свои привычные программы. Будет ли оно гнаться по-прежнему за сенсациями, жареными фактами, порнографией, криминалом и так далее? А может, оно вернется к культуре, к просвещению? Полное озверение – это один вариант развития событий.

А второй вариант более благополучный. Вся грязь, свя-

занная с культом денег, культом богатства, погоней за рублем, – все это опадет, как осенние листья, и люди вернуться к привычным, более высоким ценностям. Опомнятся и увидят, что этот путь был тупиковым. Я не знаю, как повернется жизнь.

Вообще, на основании многих последних событий можно сказать, что человечество показало свою полную беспомощность перед будущим. Оказалось, что, несмотря на все сети – футурологию и прочее, – оно слепо. Кто мог подумать, что рухнет эта громада – Советский Союз? Кто бы мог подумать, что рухнет Коммунистическая партия? Двадцать миллионов членов партии, и никто не вышел на баррикады, никто не стал отстаивать ее идеи и свои клятвы. Оказывается, будущее предсказать невозможно. Но, может, это к счастью? Может быть, хорошо, что история каждый раз заставляет нас по-иному видеть себя? Я нахожусь на том же перепутье перед неведомым будущим, перед чувством неизвестности, которое испытывают сейчас и экономисты, и политики, и политологи.

М. И.: Возьмем наше общество потребления. С одной стороны, за десять лет мы приобрели такие материальные ценности, о которых раньше не могли даже мечтать. С другой – деградация, особенно в области культуры. Вот представьте себе, Даниил Александрович, что вы сейчас, будучи молодым писателем, пришли бы со своим произведением в любое петербургское издательство. Думаю, вы догадываетесь,

что скажет издатель, увидев более-менее серьезное произведение. Это теперь называется «неформат». Так называется все, что выходит за рамки даже не среднего, а низкого уровня. И оправдывается такой подход прибылью. То же самое на телевидении, в других сферах искусства – ну, может, за редким исключением. Что делать с этой пагубой?

Д. Г.: А ничего не делать. Это нам кажется, что пагуба. Во всем мире литература живет по законам рынка. Если покупали книгу – значит она становилась бестселлером. Если мало покупали – она издавалась небольшим тиражом. Не покупали совсем – автора больше не издавали. А читают книги в соответствии со вкусами общества. Вкусы общества всегда располагались по определенной шкале. Низкий вкус, плохой вкус имел массового читателя. А высокий вкус... Булгарин со своим "Выжигиным..." имел большое потребление. Пушкин жалуется на это прямо: куда ни придешь, в какую гостиную, всюду лежит "Иван Выжигин". А Пушкин всюду не лежит. И это при жизни сопровождало Пушкина. И Пушкин заметил по этому поводу, что это не состояние литературы – это очень интересное его замечание, – а состояние общества.

У нас литература при советской власти заменяла философию, историю, экономику... Она имела возможность через подтекст свободнее разговаривать с читателем. Все остальные жанры и гуманитарные науки были связаны по рукам и ногам. Если сегодня всерьез проанализировать жалобы на то, что люди стали меньше читать, они окажутся несправед-

ливы. Люди читают больше. Сравните газетный киоск двадцать лет назад и сейчас. Какое количество новых журналов и газет! Они же имеют читателя, иначе бы не выходили – гламурные, негламурные, какие угодно! Все имеют тиражи куда большие, чем литературно-художественные издания – по двадцать, по тридцать, по сто тысяч. Кто-то их читает! Это громадное количество журналов – неведомых для меня, неизвестных. Так что читатель существует, число часов для чтения не растет – человек ограничен в своем времени. Люди больше работают, появилось много соблазнов, которых раньше не было, – поездки за границу, презентации, вернисажи, премьеры – бог знает что!

Сергей Ачильдиев (С. А.): У меня ощущение, что буржуазия, народившаяся в 90-е годы, средний класс, и интеллигенция могли бы сегодня быть движущими силами общества. Например, мы помним, как во второй половине 1980-х годов интеллигенция заявила о своих интересах и проявила себя. Она во многом явилась движущей силой общества. А сегодня интеллигенция так себя не выражает. Какие, на ваш взгляд, должны сложиться условия, чтобы они действительно заявили о себе?

Д. Г.: О чем они должны сегодня заявлять?

С. А.: О своих интересах. Есть конкретные поводы для беспокойства – огромные проблемы в среднем и особенно высшем образовании, проблема, связанная с ЕГЭ, и так далее.

Д. Г.: Это правильно. Вот говорят, люди могут возмутиться, выйти на улицу... Мы живем в абсолютно беспартийной стране. Сегодня у нас нет никакого лозунга! Все партии сегодня – это липа, полная туфта, нет никакой привлекательной, понятной идеологии. Во времена Октябрьской революции были ясные простые лозунги. "Мир без аннексий и контрибуций!" "Землю – крестьянам, фабрики – рабочим!" Это было вранье, но общественные призывы были понятны и привлекали людей. Какой лозунг сегодня?

М. И.: – "Обогащайтесь!"

С. А.: Наверное, "Больше демократии!" Но это мало кого волнует.

Д. Г.: Это не лозунг. Что такое «больше», "меньше", что такое «демократия»? Лозунга нет, потому что нет программы, нет идеологии у партий. А если ничего этого нету, что может требовать интеллигенция? Вот, смотрите: не стало крестьянства. Даже слова сейчас такого нет. Слово «колхозники» ликвидировано. Слово «крестьянство» забыто, никто не знает, что это такое. А как же называются сельские жители? И куда делся пролетариат, его величество рабочий класс? И где он о себе заявляет? Его и хвалить-то невозможно, потому что непонятно, как он выглядит.

Владимир Желтов (В. Ж.): И ругать нельзя, потому что его практически нет.

Д. Г.: Где былое уважение к людям физического труда? Одни белые воротнички.

М. И.: Белые воротнички теперь называют "офисный планктон".

Д. Г.: Вы замечали, что у нас в Ленинграде-Петербурге творится с названиями магазинов? «Полушка», "Копеечка", «Пятерочка» – что это такое? Это магазины для бедных?

М. И.: Название подразумевает, что да.

Д. Г.: Полушка – это четыре монеты на копейку. Меньше монеты не было. Зато есть супермаркеты "О'Кей". "О'Кей" и «Полушка». Вот между ними и располагается все наше общество. И мы считаем такой разброс в порядке вещей. Уже в названиях подчеркнута поляризация жизни: вам, беднякам, положены свои магазины!

С. А.: Некрасиво. А для сельских жителей сейчас новое слово придумали, которого и в словарях нет, – сельчане. Такого слова никогда не было. Есть "селяне".

Д. Г.: Не было такого слова. И оно ничего не выражает, потому что в «сельчанах» нет труда. Я думаю, это вызвано и тем, что страна села на нефть, на газ, на лес, и наша исконная работа на земле, перестала быть главной заботой и власти, и народа. Раньше наша дорогая интеллигенция на поля ездила, перебирала овощи на базах и все прочее. Сейчас мы получаем картошку из Голландии, из Израиля, не знаю еще откуда. Чего ее перебирать? Мы во многом стали жить на халаву. Я был под Сургутом – огромные пространства, работают нефтяные качалки, никого нет. Качают. Или мы хвалимся Петербургом – автомобильные заводы – «Форд», "Дженерал

Моторс", «Тойота»... Это сборочные заводы! Это Чарли Чаплин – его герой закручивает гайки. Помните картину? Это что, творческий труд, о котором мы раньше говорили? Он требует головы, выдумки, интеллекта, какой интерес имеет? Ничего он не имеет. Настоящей работы не появилось, нам словно не доверяют. Это очень неприятный, нехороший процесс. Если у человека нет творческого труда, он вырождается.

М. И.: Даниил Александрович, как вы думаете, в Западной Европе, в Соединенных Штатах есть сейчас духовная сила, которая мобилизует их общественное сознание, заставляет двигаться вперед, развиваться?

Д. Г.: Ну вот, перевыборы американского президента. От убийства чернокожего проповедника Мартина Лютера Кинга до избрания чернокожего президента Барака Обамы прошло всего сорок лет. Так переделать общественную психологию, сломать предрассудки – это громадный путь для большой страны, для большого народа. Мы это недооцениваем. Помню, в конце 1970-х годов я зашел в Новом Орлеане в читальный зал посмотреть газеты. Сел за стол рядом с негритянскими женщинами. Вдруг они поднялись и ушли за другой стол, очень демонстративно. Такая была обстановка.

Дмитрий Каралис (Д. К.): Даниил Александрович, если вы позволите, у меня вопрос, лежащий в стороне от больших общественных тем, но интересующий многих читателей. Как вам удается сохранять и работоспособность, и ясность ума,

и физическую форму? Помню, несколько лет назад вы переплывали знаменитое Щучье озеро в Комарове, я сам видел, как вы подтягиваетесь на гимнастических кольцах. Это ваш принцип – держать себя в отменной физической форме? Как вы проводите свой день?

Д. Г.: У меня нет никаких рецептов и секретов. Я как жил, так и живу, и потребность в физических нагрузках, в физическом труде такая же, как у каждого. Я люблю побродить, погулять, но единственное нехитрое правило, которого я придерживаюсь после войны, можно сформулировать одной фразой: мой сегодняшний день должен быть самым счастливым днем в моей жизни.

М. И.: Это война произвела на вас такое действие?

Д. Г.: По-моему, да. Жизнь каждого человека – это чудо. Потому что нас со всех сторон окружают всевозможные риски, болезни, несчастья, потери, неудачи и так далее. Жизнь можно воспринимать и как серию неудач, и как серию везений.

М. И.: Вы часто ощущаете себя счастливым?

Д. Г.: Часто. Я могу разговаривать, думать, работать, гулять – разве это не праздник?

М. И.: И тем не менее посмотрите на окружающих, вы найдете кучу миллионеров, которые находятся в депрессии и даже сводят счеты с жизнью. Что им мешает жить, почему они несчастны?

Д. Г.: Вы рассуждаете, исходя из рубля. Почему из рубля,

когда есть более важные ценности жизни? А любовь? А дети, а природа, а здоровье, а хорошая книга, а музыка?

М. И.: А как вы поняли, что вы писатель? Был какой-то импульс?

Д. Г.: Нет, была просто потребность писать. Я же по специальности инженер, а потом научный работник. Я долго стыдился этого и писал по ночам, и моя покойная жена считала: одни пьют, другие в карты играют. А мой муж – пускай пишет. Она смирилась с этим. Поскольку я любил ее, для меня было очень важно, чтобы она поверила в меня. Но откуда она могла поверить? Я сам не верил себе...

М. И.: Но вы были счастливы, когда писали?

Д. Г.: Не совсем точное слово. Было просто желание, потребность. И было хорошо – ребенок спит, жена спит, я могу сидеть и писать. Мы жили в одной комнате, надо было замаскировать лампу, чтобы свет им не мешал... А утром – на работу.

Д. К.: Даниил Александрович, у вас есть в Петербурге любимые места, куда стремится душа, где вы любите прогуливаться?

Д. Г.: Люблю старые кварталы – Петроградскую сторону, откуда начинался город: все эти Монетные, Певческие, Пушкинские. Люблю Петропавловку и все вокруг нее. Люблю Новую Голландию. Люблю Кировский завод. Это все мое. Люблю пригороды.

М. И.: Как вы думаете, отстоим мы свой город против чу-

довишной застройки? Газета "Невское время" очень активно ведет вот эту тематику против застройки исторического центра.

Д. Г.: Это хороший, правильный вопрос. Есть какая-то усталость у людей, настроение, что ничего не удастся изменить. Думаю, нельзя прекращать усилий. Надо долбать и долбать. Не надо считаться ни с какими обстоятельствами – надо противостоять, требовать, возмущаться и так далее. Я чувствую, кое-что уже изменилось в подходе – и высотный регламент, и другие вещи уже появились.

М. И.: Понятно, в этом вопросе – ни шагу назад.

Д. Г.: Вот эта башня «Газпрома». Никто не выступил, не объяснил, почему нужна высота четыреста метров, а не семьдесят. Почему нужно ставить ее обязательно рядом с историческим центром? Почему нельзя отнести на окраину? Никто не разговаривает с нами нормально. Я больше того скажу, наступил экономический кризис. И кто с нами разговаривает? Мы лишь подслушиваем по телевизору, о чем Путин или президент говорят с министрами. Словно стоим за дверью и слушаем чужие разговоры. Это разве дело? Когда в Америке был великий кризис, президент Рузвельт раз в неделю обращался к нации.

С. А.: "Беседы у камина" это называлось.

Д. Г.: Почему передо мной не выступают служащие, которым я плачу деньги? Я, как налогоплательщик, плачу и Путину, и Медведеву, чтобы они хорошо работали. Почему они

не рассказывают мне ясно и понятно, напрямую, что происходит? Об этом даже никто вслух не хочет говорить.

С. А.: Мы публиковали летом письмо представителей культуры в защиту города, но никто из Смольного не захотел встретиться с теми, кто подписал письмо.

Д. Г.: Губернатор Матвиенко еще выступает. Но я хочу, чтобы выступали передо мной, держали в курсе событий, особенно в тяжелые времена, и Путин, и Медведев, и замы, и помы, и вице и так далее. Чтобы они рассказывали, что хотят делать, почему такие неудачи, что у них не получается. Они мне ни разу ничего не говорили. Обращения раз в году – разве этого достаточно?

М. И.: Да, интересное наблюдение, – мы подслушиваем разговоры начальства о нашей собственной судьбе.

Д. Г.: Они вообще вызывают у меня странное чувство. Например, президент говорит, что во времена кризиса не надо увольнять кого попало. Все сидят, старательно записывают. Через час заседание у премьер-министра. Он говорит: "Во времена кризиса надо действовать особенно осторожно". Все опять записывают. Премьер-министр и президент говорят наверняка толковые вещи, но не изображайте вы из себя каких-то неучей, что вы там записываете, кому нужны эти записи?

Д. К.: Даниил Александрович, вопрос, не имеющий отношения к политике. Вы много ездили по миру, много видели. Остались на Земле места, которые хотелось бы посетить, но

не удалось?

Д. Г.: Нет, больше ничего посещать не хочу. Но остались страны, которые я просто полюбил и вспоминаю о них с нежностью, с удовольствием. Например, Австралия, Норвегия.

М. И.: Вы говорили, что недавно ездили в Париж и вас разочаровало отсутствие в магазинах российских товаров. Ничего не видели?

Д. Г.: Ничего не видел. Ничего, кроме традиционных матрешек. Они там, наверное, уже полвека лежат...

В. Ж.: Вы из скромности умалчиваете, что помимо матрешек во Франции продаются и ваши книги. Хорошая русская литература всегда в почете. Ваша последняя мемуарная книга "Причуды моей памяти" стремительно раскупается.

М. И.: Позвольте поздравить вас, дорогой Даниил Александрович, с наступающим юбилеем и пожелать вам доброго здоровья и новых книг!

Д. Г.: Спасибо. Успехов вашей газете!

Не барышом единым

(Лауреат Бунинской премии 2011 года Даниил Гранин отвечает на вопросы «Литературной газеты»)

– Даниил Александрович, что вас больше всего тревожит сегодня?

– Нравственное состояние общества, тенденции развития нашей жизни. Почему тревожит? Потому, что мы живём так, как Россия никогда не жила. Мы стали жить, руководствуясь идеологией барыша. Барышом определяются все области бытия – от рождения до смерти. Медицина – барыш, наука – барыш, школа – барыш, образование – барыш, правоохранительные органы – барыш, содержание квартиры – барыш... Судебные органы – барыш, театр – барыш, кино – барыш... И так далее до надгробного камня. Всё у нас сегодня связано с барышом. Не с оплатой услуг, а именно с барышом, с его философией – побольше сорвать с человека. Барыш проник всюду, исказил нашу жизнь до невозможности.

Какие бы упрёки мы ни предъявляли прошлой жизни, советской эпохе, но она не стояла на барыше. В государстве были идеи, которые не оправдались, были репрессии, культ

личности и так далее. Но идеология барыша никогда не определяла жизнь нашего человека. Она за скобками российских традиций, потому что расходится с ментальностью нашего человека. Эта идеология навязана современной экономикой и отчасти нашей предыдущей бедностью.

Можно сказать, что это временное уродство или искажение общественной жизни, как это бывает в жизни каждого человека. У людей ведь случаются взлёты, спады, бывают периоды, которых мы потом стыдимся... Мне кажется, именно нравственным протестом объясняется и нынешнее усиление эмиграции. Люди уезжают не только в погоне за благополучной жизнью, но и потому, что невозможно жить среди криминала, коррупции, корысти, бесчестия, безнаказанности. Честному человеку становится всё труднее сохранять свою душу и ум. Трудно нынче быть честным! Обстоятельства жизни будто выталкивают тебя из страны, если ты не оказался более-менее в верхнем слое общества, не готов закрывать глаза на нравственное уродство...

– Селекция исключительно по финансовым результатам коснулась всех слоёв общества. Наверху ценят не честных и совестливых, не добрых и порядочных, а людей своего круга, соответствующих взглядов...

– Да, тебя просто вытолкнут, если ты будешь мешать другим своими моральными принципами. Интеллигенция наша довольно энергично убывает, она пострадала, как и крестьянство, и рабочий класс, как вся трудовая часть общества.

А ведь именно они несли и создавали атмосферу нравственной требовательности, совестливости. Когда исчезают сильные в нравственном смысле слои общества, жить становится тяжело.

– Что-то может оздоровить наше общество?

– Я часто размышляю об этом. Жизнь настолько искажена, что все призывы жить по совести, не по лжи уже просто не доходят до людей. Они не способны заставить человека изменить свою нравственную и моральную систему. А что может? Неужели мы так и будем продолжать подобную жизнь, безнадежно вращаясь в ней. Не может этого быть! Нашего человека коробит от такой жизни, он противится ей. Нравственное ядро, созданное поколениями, не хочет мириться с главенством барыша...

И я задумался над проблемой нравственного примера. Возможно, это и не единственное лекарство, но пример в жизни всегда нужен, без него жить трудно и тускло.

Всякое общество создаёт культ своих героев: святых, людей милосердия, людей альтруизма, подвижников, борцов за интересы народа. Эти тихие и громкие герои вызывают желание подражать, дают человеку нравственную опору... Были доктор Гааз, защитники отечества, были академики Сахаров и Лихачёв, были диссиденты, которые пострадали в борьбе за справедливость...

Были учёные братья Вавиловы. Благородные замечательные люди. Трагедия Сергея Ивановича Вавилова ещё не осо-

знана нами до конца, но это была ужасная трагедия... Его брат сидит в тюрьме, а он вынужден обнимать и награждать Лысенко, который посадил в тюрьму его брата. Во имя чего? Во имя науки, но отнюдь не во имя защиты своей шкуры. Советская и постсоветская наука явили примеры необыкновенной стойкости духа и бескорыстия. Физик Михаил Леонтович, выдающийся математик Людвиг Францевич Фаддеев, президент академии наук Александров... Эти личности многое определяли. Вот хотели Сахарова исключить из Академии наук, но Александров сказал – нет! Говорил это всем, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. А Сахаров, который сказал: хватит испытывать водородные бомбы, планета не выдержит! Он Хрущёву встал на дороге. Тот разъярился, хотел закрыть академию, но Сахаров настоял на своём. Такие примеры воодушевляли интеллигенцию.

– Сейчас героев, увы, не видно...

– Да, прежние кумиры сброшены или забыты – стоят пустые пьедесталы... Есть, правда, математик Перельман, доказавший гипотезу Пуанкаре и заявивший, что миллион долларов ему не нужен... Интереснейший пример, не осмысленный ещё нашим обществом. Вот чего нам остро не хватает – примеров благородства, которые можно противопоставить идеологии наживы. Примеров, которые ясно и просто покажут обществу: можно жить вне идеологии барыша!

– Пока наши СМИ полны рассказами о заграничных загулах новых богачей...

– Как отвратны и неприличны для всей Европы все эти кутежи, особняки сумасшедшей стоимости, которые приобретают неизвестно за какие деньги в Лондоне и Ницце... А мы молчим. Наше правосудие молчит. Партия «Единая Россия» молчит на эту тему. Нам что – нет до этого дела? Есть, конечно, мы все об этом говорим, и все испытываем отвращение к таким «героям», но не протестуем.

В результате мы живём в беспримерии, если так можно выразиться. Что такое наши миллиардеры? Они пример? К сожалению, да. Но этот пример не приведёшь своему сыну или дочери. Не скажешь: вот, смотри, они всего достигли, потому что сделали много полезных вещей – открыли, изобрели, организовали. Я не знаю, что сделал какой-то наш миллиардер, почему у него такой роскошный дом с бассейнами, теннисным кортом? Почему он строит там, где никому не разрешено строить? Я не знаю, чем он заслужил это право, – и мне никто не собирается объяснить. Никто!

Вот умер в Америке Стив Джобс, и все восприняли его смерть как мировую потерю. Не американскую, а мировую! Это действительно фигура, достойная подражания. Его достижения в каждом доме, у всех на виду, и при этом – чёрная водолазка и джинсы, в которых проходил всю жизнь... Он никогда не тратил деньги на собственный пиар и скандалы. Считаю, это настоящий герой нашего времени. Вот пример для всего мира. И для нас. Мы знаем, что этот человек сделал, знаем, почему он заслуживает почёта и уважения, знаем,

откуда у него деньги. А про наших знаменитостей – ничего.

Понимаете, мы вдруг оказались в стране фальшивок и подделок. Поддельные дипломы, фальшивые справки и свидетельства, лицензии и всяческие сертификаты... Поддельные счета, должности, фирмы...

И что мы делаем? Ломаем своё сознание и миримся с этим фальшивым миром. Мы живём среди полной безнаказанности сынков богатых родителей. И во всевластии знатных людей, депутатов, министров, прокуроров... Живём при полном невнимании к общественному мнению. Вот пример. Общество два года критикует ЕГЭ... Казалось бы, министр образования Фурсенко должен вступить в дискуссию, посчитаться с мнением тысяч учителей, специалистов по школьным делам. Но реакции практически никакой – продолжает делать то, что считает нужным.

– Зато сколько разговоров о борьбе с коррупцией...

– И где эта борьба? Меня, наверное, можно упрекнуть в слабой информированности, но этот упрёк можно адресовать и миллионам наших граждан. У нас у всех мало информации – власти нечего нам сказать.

– Но если у миллионов людей есть вопросы, должны прозвучать и ответы. Рано или поздно. Может быть, придёт время, и тайное станет явным?

– Не знаю. Допустим, газета напечатает наш разговор. Но вряд ли я испытаю удовлетворение, как в прежние годы.

– Почему?

– Потому, что за этим ничего не последует. В той же самой «ЛГ», в «Новой газете» печатаются замечательные статьи, посвящённые схожему кругу вопросов. И что? А ничего! Мы говорим по привычке, со старой надеждой: если напечатано в газете, это как-то повлияет, на кого-то подействует... Ничего подобного! В ответ – полное молчание.

– И всё-таки народ читает, реагирует. Не будем забывать, что капля камень точит, а одно слово правды весь мир перетянет.

– Власть сейчас критикуют очень жестоко – а что меняется? У нас опять всё откладывается на будущее. И раньше нам рассказывали о том, что будет. Вот, дескать, пятилетку выполним, тогда заживём! Выполнили. Теперь давайте новую пятилетку выполнять – в четыре года! Хорошо, построили социализм – строим развитой социализм! И так далее. Мы всё откладываем на будущее. А кто слышит глас народа? Народ говорит: нельзя так жить! Кругом множество бедных людей! Нельзя так! Нельзя устраивать такие безобразия с ЖКХ! И что изменилось за последние три-четыре года? Тарифы выросли. Пусть домов стало больше, но они стоят пустые. Потому что цены невозможные. Надо сорок лет ни есть, ни пить, чтобы купить однокомнатную квартиру. Кто этого не знает? И кому станет легче от того, что я ещё раз скажу очевидное?

– Людям становится легче, когда их собственные мысли разделяет известный писатель.

– Мне кажется, я их только расстраиваю своими сентенциями...

– Может быть. Но пока остаётся надежда быть услышанными, надо говорить...

– Вот в «Литературной газете» появилась статья Сергея Сергеева «Чего хотят русские?» Статья-вызов! И она требует ответа, потому что затрагивает самый больной вопрос нашей жизни. Мой товарищ, историк, прочитав статью, сказал: «Это вызов нашим властям и обществу!» – «Это пощёчина», – сказал я. «Допустим, – сказал он. – Но несвоевременная!» – «Разве такие бывают?» – удивился я. «У нас бывают, – сказал он. – Только у нас и бывают».

Если власть не хочет отвечать на острые вопросы, уводит себя и общество от реальных проблем, она получает то, что получает...

*Беседовал Дмитрий КАРАЛИС, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
(Литературная газета 26 октября 2011 г.)*

...Добавлю, что Даниил Александрович писал почти до последнего дня своей жизни, и стиль его становился все интереснее и богаче. Автологическая и металогическая манеры письма органично переплетались на странице, классическая скупость текста и роскошная метафора могли тереться смыслами в одном абзаце, электролизуя силлогизмы.

Гранин много читал. Как это не покажется странным, но на стиль его последних вещей повлиял и Милорад Павич, и Милан Кундера (последнего он называл в числе своих лю-

бимых), и Юрий Поляков, чей роман «Любовь в эпоху перемен» Гранин в моем присутствии безжалостно разложил по полочкам в телефонном разговоре с автором.

О стиле и содержании одной из последних книг Даниила Александровича – моя небольшая статья в «Литературной газете» № 7 за 2013 год.

За всё, что испытал

(отзыв Дмитрия Каралиса на книгу Даниила Гранина «Заговор»)

Любая книга – разговор с читателем. Интонация автора в этом разговоре чаще всего и определяет наше отношение к книге. Мы либо хлопаем дверью-обложкой («Видали мы таких!»), либо устраиваемся поудобней и внимательно вслушиваемся в слова говорящего. И если его речь умна и не банальна, если он без занудства рассуждает на вечные темы или, выхватив из круговорота событий магический кристалл факта, наводит его на прошлое или будущее, то с таким автором-собеседником мы готовы и несколько дней провести, согласно кивая или азартно вскидывая палец: «Нет, не так всё было!»

В своей новой книге Даниил Гранин предстаёт именно та-

ким собеседником – мудрым и весёлым, искренним и одновременно загадочным.

Вот Гранин вспоминает приметы жизни 20–30-х годов: булочную с горячими рогаликами, кадушки с творогом в бело-кафельном магазине, звенящие трамваи, дворников у запертых на ночь ворот, ломовых извозчиков, трубочистов, стекольщиков, хмурых часовщиков с лупами в глазах, штабели дров, сараи, шарманщиков, прачек с красными руками и едва слышно вздыхает: «Всё это исчезло, прочно позабыто, и ни к чему это помнить. Хотя из этого состояла наша жизнь». И сразу вспоминается жанр японской короткой прозы – дзуйхицу, в котором автор записывает всё, что приходит ему в голову, не особенно задумываясь о литературности: и мысли, и воспоминания, и сценки, и анекдот, и рассуждения...

Цитата: «Много было всякого, но и много не было всякого. Не было на улице негров, да и вообще иностранцев, они были редкостью, на стендах не клеили газет, газеты не бросали и всяких обёрток, кульков, целлофанов – ничего этого не бросали. Прохожие стали другие, мусор стал другой, время-дворник всё подмело».

Что это? Вздохи по прошлой жизни, по приметам молодости, по ушедшему времени?

Если бы так.

Не так прост Даниил Александрович, чтобы ограничиться вздохами по ушедшим временам.

«Есть книги особой судьбы. Литературно не бог весть каких достоинств, а то и просто посредственные, однако почему-то они производят волнение в обществе. Все читают их, обсуждают, они будоражат умы, и не одного поколения, так что трудно тут всё сводить к моде. Примеров таких в нашей русской литературе несколько. Взять хотя бы «Что делать?» Чернышевского. Его мы проходили в школе. И Добролюбова проходили. Учили сны Веры Павловны. И то, как Рахметов спал на гвоздях. Школьная программа была следствием того, насколько впечатлил этот роман Россию. Отчасти то же самое вызвал роман Тургенева «Отцы и дети». Сегодня «Что делать?» не читается – наивно, беспомощно, скучно.

Были в советской литературе похожие сотрясения, баллов поменьше, но были. Вспоминается «Время, вперёд!» Катаева, «Как закалялась сталь». <...> Сотрясали поколения не только русские книги. Был для России потрясением «Овод» Войнич, была «Хижина дяди Тома». За полтора столетия наберётся кардиограмма весьма показательная, как менялись интересы, пристрастия, вкусы общества».

Порассуждал автор о вещах простых и понятных и пошёл дальше, а тебя уже тянет «догнать» его и порассуждать о построении графика-кардиограммы по современному срезу литературы, о навязанной читателю «книжной продукции», о спроектированных кумирах и «талантах». И дзуйхицу по Гранину складывается в мозаику с философскими иероглифами – разгадывать их интересно и поучительно.

В своих последних книгах Гранину удаётся позабавить и себя, и читателя играми со временем. Вот мы входим в абзац, где военная история начинается от первого лица, а через несколько строк заканчивается в третьем лице, и герой-рассказчик уже отстранён за прозрачным инициалом Д., и смотрит на него писатель из дней нынешних. Семьдесят лет изящной спиралью завёрнуто в одном абзаце!

Кстати, о прожитом времени. «Судьба подарила мне долголетие, – рассуждает Даниил Гранин. – Как я использовал это? В конце жизни, подводя итоги, – недоволен. Наверное, довлет арифметика – мало написал, главного не написал и т. п. Но ведь кроме стола была ещё жизнь, с дружбой, любовями, путешествиями. Конечно, можно было написать и больше и, может, лучше. Но за счёт солнца, моря, смеха...»

Многое хочется выписать из этой книги, процитировать. Собственно из цитат жизни книга и состоит: истории, неожиданные воспоминания, разговоры, случаи из жизни, рассуждения...

Например, такое. «Очень важно, чтобы литература тревожила человеческую совесть. Литература вообще делится на два типа: одна убаюкивает совесть, а другая её тревожит. Если литература стремится к нравственному воспитанию людей, она должна совесть тревожить, должна, как говорил Достоевский, «пробить сердце». И чем благополучнее у человека жизнь, чем она более сытая, тем совершить это труднее».

Или читает Даниил Александрович редчайшую книгу Р.

Пихои «Советский Союз: история власти», напечатанную тиражом всего в 100 экземпляров, и удивляется: «Автор возглавлял Архивное управление, ему были доступны самые запретные прежде материалы. Книга была полна для меня открытий». И мы удивляемся вслед за Граниным: «После смерти Сталина, оказывается, первым, кто решился на проведение реформ, был Берия. И каких реформ! <...> Он считал, что всё должен решать не ЦК партии, а Совет министров, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. Он, например, настоял на том, чтобы на демонстрациях не носили портреты вождей, не украшали ими здания. Кстати, отнюдь не мелочь для того времени, это было покушение на обрядовое почитание, портреты носили как хоругви. Он обратил внимание на фальсификацию «дела врачей», и «ленинградского дела», и «дела об убийстве Михоэлса»... Но выводы из удивительного открытия следуют жёсткие...

Есть в книге и возвраты к блокаде, к истории написания совместно с А. Адамовичем «Блокадной книги», которая, кстати сказать, была недавно переиздана в бесцензурном варианте. «Оказавшись в той невероятно жестокой ситуации, ленинградцы вели себя именно как ленинградцы – я имею в виду не «географическое» значение этого слова, а его, так сказать, нравственный смысл. Да, за ними стояли и Пушкин, и Блок, и Глинка, и Чайковский, и всё это давало людям новые нравственные силы, когда физических сил уже не оставалось. И то удивительное достоинство, с которым лю-

ди умирали, тоже содержит в себе понятие «ленинградец»... Мы с Адамовичем считали, что такие истории должны тревожить человеческую совесть. Жить среди душевного благополучия и безразличия литература не может. К тому же эта работа показала нам, насколько жизнь богаче, сильнее и ярче художественной литературы. Понятие «художественная литература» употребляю в том смысле, что если бы я писал о блокаде: никогда не смог бы придумать ничего сильнее, чем вот эти безыскусные рассказы, из которых тоже складывается понятие – подвиг Ленинграда».

Книга ласковая, суровая, трогательная, нежная, беспощадная, её хочется листать, перечитывая главки и отдельные абзацы...

Почему же она названа «Заговор» – по одноимённой новелле, рассказывающей о том, как свергли Н. С. Хрущёва? Возможно, автор хотел припечатать этим названием всю политику, весьма характерную для нашей жизни со времён Древней Руси. Возможно. Но он оставил для себя и читателя трогательные размышления, названные в книге «Последнее». Они об ответе на вопрос друга, какими бы словами он хотел закончить свой земной путь. «...Ответ был интересен прежде всего мне самому. Они были разные, но всё вдруг сошлось в одно: «Спасибо». За всё, что было, за всё, что испытал, видел, успел».

Да, упомянутый жанр дзуйхицу предполагает и философско-грустное. Но жизнь и творчество нашего современника,

к счастью, продолжают. Будем ждать новых книг – они пишутся.

...Не могу обойти вниманием выступление Даниила Александровича Гранина в бундестаге 27 января 2014 года, в день 70-летия снятия блокады Ленинграда. Я смотрел это выступление в интернете и едва сдерживал слезы. А потом расплакался и не стыдился слез.

Кто знает, о чем это, поймет.

Приведу лишь один из отзывов в Сети:

«Пожилый человек, более 40 минут простоял, с простотой, не присел – одно это уже намекает на невероятную силу воли и духа. И послушайте речь! Вот она, русская, без слов-паразитов, без лишних кривляний и пафоса. Спокойная и сильная. Таким людям не нужно ничье сочувствие или жалость. Они просто хотят успеть сказать, что все это было не напрасно. Не предавайте их жертв, не забывайте, ради чего они через все это прошли. А коли не согласны, то просто промолчите».

Закончу кратким сообщением из своей странички в социальной сети.

5 июля 2017 г.

Умер Даниил Александрович Гранин. Я потрясен! Должен был навестить его в больнице к концу недели, и вот... Светлая память. Мужественный и очень деликатный чело-

век. Мы дружили с ним последние лет двадцать – гуляли, разговаривали на разные темы, иногда вежливо не соглашались друг с другом. Я честно признавался, что люблю его, как отца – он и по возрасту годился мне в отцы, и по судьбе-фронтовика. Жаль. Очень жаль. Осталось что-то недосказанное...

Он был военно-историческим консультантом на двух наших фильмах – "Коридоре бессмертия" и документальном – "Блокадная кровь". Совсем недавно мы с режиссером Федором Поповым сидели у него дома и показывали черновой монтаж фильма. Гранин точно и остро комментировал просмотренное. Я фотографировал.

Фото выложу потом как-нибудь.

И строили планы...

А чуть раньше он пригласил меня на церемонию вручения ему Государственной премии в Константиновский дворец. У меня не получалось – должен был отвезти внука в летний детский сад в Комарово. Гранин стал уговаривать и стыдить: вот, дескать, я приглашаю, там будет президент, а ты не можешь, отвези внука в другой день...

На следующий день я одумался и послал свои паспортные данные и номер автомобиля по нужному адресу. Вскоре мне позвонили и сообщили, что уже поздно – не успеть, там крутая проверка.

И я смотрел на встречу Гранина с президентом по ТВ. Его племянница Люся с бокалом шампанского, замечатель-

ный поэт Виталий Дмитриев за спиной, Светлана Кармалита с Алексеем-сыном... И больше из писателей-поэтов никого рядом не было.

Через день я позвонил Даниилу Александровичу, поздравил, спросил, как прошла встреча с Путиным, понравилось ли общение. Гранин сказал, что встреча понравилась, он себе сам не понравился – был какой-то вялый и несобранный, плохо говорил. А говорил он в ответном слове о том, что человек обязательно должен состояться, найти себя, только тогда он счастлив...

Гранин состоялся. И был счастливым человеком. Он говорил, что надо радоваться каждому прожитому дню, и радовался...

Вечная память!

2. Борис Стругацкий: "Читаю много, но по обязанности"

Писательский клуб в доме Набокова. «Невское время»,
15. 04. 2008 г.

Накануне своего юбилея классик отечественной фантастики Борис Стругацкий стал гостем "НВ"

Книги братьев Стругацких, Аркадия и Бориса, более тридцати лет писавших в содружестве, вошли в золотой фонд российской литературы. "Страна багровых туч", "Гадкие лебеди", "Трудно быть богом", «Стажеры», "Пикник на обочине", "Сказка о тройке", "Улитка на склоне", "Жук в муравейнике", "Понедельник начинается в субботу", "Волны гасят ветер" – этими произведениями зачитывались генсеки и президенты, космонавты и школьники. Братья Стругацкие стали духовными лидерами нескольких поколений молодежи, их творчество дало мощный толчок развитию отечественной фантастики, породило огромное количество подражателей. Сегодня Борис Натанович СТРУГАЦКИЙ отмечает 75-летие.

- Борис Натанович, с каким чувством встречаете эту дату?
- Со смешанным. Дни рождения я люблю, а юбилеи – нет.
- Нет ли разочарований в том, как развивается земная цивилизация, как развиваются события на Земле?
- Ничего такого уж неожиданного в масштабе челове-

ской истории, по-моему, не происходит. Впрочем, время наблюдения так ничтожно мало в названных масштабах, что и выводы сколько-нибудь серьезные я бы делать не рискнул. Полжизни прожили под угрозой ядерного коллапса цивилизации, худо-бедно – перемоглись. Теперь – угроза организованного терроризма в глобальном варианте. Тоже, я полагаю, переждемся. Проблема определена, вполне однозначна, ясно сформулирована – с такими человечество справляться умеет.

– Что тревожит более всего? Что вы не приемлете категорически?

– Времена категорических суждений и безусловной нетерпимости давно миновали. Но ложь, особенно официальную, освященную государством, ненавижу, пожалуй, по-прежнему. И боюсь. Потому что любая несвобода построена именно на лжи и на невозможности эту ложь опровергнуть.

– Что радует?

– Непрерывающиеся пока, к счастью, приступы здоровья – как общественного, так и личного.

– Хотелось бы вам что-то изменить в своей жизни, если бы вдруг представилась такая фантастическая возможность? Например, написать нечто, от чего в свое время отказались? Или, наоборот, не писать того, что написано и издано?

– Нет, ничего такого в голову не приходит. Мы писали книжки получше и похуже, но ничего такого уж «непростительного», от чего хотелось бы сейчас откреститься, ухитри-

лись не написать. И закончили (слава богу, успели) практически все самое «серьезное» из того, что было задумано. А значит, "что выросло – то выросло". И ладненько.

– Какое собственное произведение кажется вам сегодня наиболее актуальным?

– "Хищные вещи века", наверное. Во всяком случае, это, видимо, и есть наше ближайшее будущее. Причем в самом лучшем случае! О худших вариантах и думать не хочется.

– Что вы читаете? Какие книги, прочитанные за последнее время, понравились больше всего?

– Я давно уже перестал быть квалифицированным читателем. Я читаю много, главным образом – фантастику, но по обязанности, а не из удовольствия. И практически ничего не перечитываю. Член нескольких литературных жюри, участник питерского семинара писателей-фантастов, главред литературного журнала – все это даром не проходит. Десятки и десятки, а может, сотни романов и рукописей ежегодно приходится прочитать, и вынести по ним определенное суждение, и «приговорить» к той или иной судьбе... Правда, читаю я все-таки лучшее, отборное, те самые "десять процентов Старджона", которые только и оправдывают само существование художественной литературы. Не уверен, впрочем, что существование это нуждается в каком-то оправдании. С чего бы это вдруг? "Пипл хавает". Слава богу, в стране несколько десятков вполне достойных и даже отличных писателей. И они – радуют. И особенно приятно, что последнее

время вкус фантастики распробовали (мама говорила: "раскуштовали") многие и многие мастера мэйн-стрима – крепкие «реалисты», отнюдь себя фантастами не считающие, но пишущие прекрасную фантастику на радость знатокам и ценителям.

– Согласны ли вы с утверждением, что человечество испытывает кризис конструктивных гуманистических идей и философия консюмеризма, расширенного потребления ведет человечество в тупик, а быть может, и к катастрофе?

– Относительно кризиса судить не берусь. Что же касается "философии потребления", то сейчас, по-моему, ничего более действенного в идейном багаже человечества просто нет. Об «антиидеях» разной степени людоедства я не говорю, хотя есть среди них, к сожалению, и весьма пассионарные тоже. Именно эта философия построила нынешний мир потребления, именно эта философия наиболее близка и понятна миллионам, именно эта философия движет научно-технический прогресс вот уже добрых два века и продолжает двигать, и конца этому что-то не видно. Что ж... Мы в XX веке навидались разных "движителей прогресса": расовая теория, классовая теория, разнообразные «измы» с нечеловеческим лицом. Может быть, пора успокоиться? Может быть, пусть будет все-таки каждому – свое? Потребитель пусть потребляет, предприниматель – делает деньги, творец – творит. Во-первых, это будет справедливо, а во-вторых, это совпадет с направлением "равнодействующей миллионов волей", а зна-

чит, – с ходом истории. Минимум крови, минимум жертв и разрушений и никаких тупиков в обозримом будущем. Хватило бы только энергетических ресурсов на это благообразие воздухов, а ведь может и не хватить!

– Ваш семинар фантастической прозы, который вы вели более тридцати лет с 1974 года, дал целое поколение писателей. Почему вы отказались от руководства им?

– Я стал стар и болен. Отказываюсь понемногу от всех дел, ради которых надо выходить из дому. Теперь вот настала очередь и семинара. Это печально, разумеется, но я уверен, что семинар сохранится и без моего непосредственного участия. Остался мощный костяк «драбантов», старых солдат семинара, знающих о нем все и прекрасно понимающих, зачем он нужен – этот дискуссионный клуб, где каждый участник ставит себе цель писать хорошо, и все отличаются друг от друга только представлениями о том, что такое «хорошо» и как именно это надлежит делать. До тех пор, пока сохранится у молодых потребность в таком клубе, сохранится и семинар.

– Каково издательское будущее ваших дневников, намерены ли вы, например, соединить их с дневниками брата Аркадия?

– С нашими архивами энергично и много работают. Регулярно выходят сборники "Неизвестные Стругацкие", основанные на разборе черновиков, дневников, писем. Этим занимается так называемая группа «Людены» – замечательные

знатоки и энтузиасты, много лет посвятившие изучению нашего творчества: Светлана Бондаренко, Владимир Борисов, Виктор Курильский, Юрий Флейшман, Алла Кузнецова, Вадим Казаков, Леонид Ашкенази, Владимир Дьяконов, Сергей Лифанов... Простите, ребята, если кого-то забыл упомянуть. Все вы – великие умельцы и даже подвижники, спасибо вам от всей души. Андрей Молчанов только что закончил книгу "Братья Стругацкие" – такого о нас еще не писали. Она тоже в значительной степени основана на дневниках, переписке, воспоминаниях друзей и знакомых. Так что необходимости в специальном издании наших рабочих и тем более личных дневников я не вижу. Все эти материалы уже пошли в ход.

– Традиционно: над чем сейчас работаете?

– Традиционно: без комментариев.

– Позвольте от имени читателей «НВ» пожелать вам доброго здоровья и светлого весеннего настроения! Мы вас любим и ценим!

– Спасибо! Тронут.

Гори, гори... (Борис Стругацкий)

15 апреля 2013 года исполнилось бы семьдесят лет Борису Натановичу Стругацкому. Ребёнок блокадного Ленинграда – выпускник Ленинградского университета – сотрудник Пулковской обсерватории – классик отечественной и

мировой фантастики – вот пунктиры судьбы нашего великого земляка, тесно связанные с жизнью великого города.

Творческий семинар фантастики, который он вел на протяжении почти сорока лет – сначала в Доме писателя им. В. Маяковского, а затем в Центре современной литературы и книги, – явление уникальное даже для мировой литературы. Перечислить всех, кто встал в этом семинаре на крыло, не хватит места, назову лишь некоторых: Вячеслав Рыбаков, Вячеслав Логинов, Андрей Измайлов, Михаил Веллер, Андрей Столяров, Наталья Галкина, Александр Щёголев, Андрей Лазарчук...

Борис Стругацкий принадлежал к тому тонкому слою петербургской интеллигенции, чей авторитет ещё совсем недавно был непререкаем, а дела и поступки остались в истории нашего города. В романе «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики», написанном уже после смерти брата под псевдонимом С. Витицкий, он лишь самую малость обозначил блокадные мытарства, выпавшие на долю его героя в детстве, – и они, на мой взгляд, по художественной силе перевешивают все фантастические похождения персонажей.

Когда Борису Стругацкому в 2006 году с опозданием на три года вручали орден «Знак Почёта» (награда нашла героя!), он смущенно признался, что такой же орден был у его мамы, заслуженного учителя РСФСР, воспитавшей много достойных и заметных учеников – композитора Станисла-

ва Пожлакова, путешественника Юрия Сенкевича, кинорежиссёра Виктора Татарского, и теперь он понимает: для того чтобы получить орден, надо что-то в своей жизни сделать полезное для страны. И притихшие семинаристы, поднявшись, заплодировали...

Сейчас некоторые либералы пытаются задним числом сделать из братьев Стругацких скрытых борцов с тоталитарным режимом, эдаких постоянных носителей фиг в кармане, конспираторов, шифровальщиков ситуаций. Как неоднократно – устно и письменно – признавался сам Борис Стругацкий, ничего подобного им с братом Аркадием и в голову не приходило: они старались писать весело, интересно, сообщаясь с принципом, что настоящая фантастика – это «чудо-тайна-достоверность».

Они были молоды (Борис Натанович и вообще мальчишка, едва перешагнувший 25-летний рубеж), когда в 1960-м к ним пришли литературный кураж и слава.

Именно в этот предгагаринский год была написана повесть «Полдень, XXII век» (первое название «Возвращение») – в нём авторы реализовали давнюю мечту – изобразить мир, в котором было бы уютно и интересно жить. Вот как комментировал Борис Натанович то время: «...тогда, в самом начале 1960-х, слово “коммунизм” было для нас словом прозрачным, сверкающим, АБСОЛЮТНЫМ и обозначало оно МИР, В КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ. “Возвращением” начался длинный цикл романов и

повестей, действующими лицами которых были “люди Полудня”. В повести были созданы фон, декорация, неплохо продуманный мир – сцена, на которой сам бог велел нам разыгрывать представления, которые невозможно было по целому ряду причин и соображений разыграть в декорациях обычной, сегодняшней, реальной жизни. Мир Полудня родился, и авторы вступили в него, чтобы не покидать этого мира долгие три десятка лет»⁴.

Феноменальный читательский успех братьев хорошо объяснил Вячеслав Рыбаков, один из любимых учеников Бориса Стругацкого: «Они, будучи молодыми и очень увлекающимися людьми, поначалу всерьез уверовали в коммунизм. Как и большинство молодых и увлечённых людей 1950-х годов. И, когда пришла пора, они начали всерьез размышлять: почему к коммунизму не удаётся пробиться и кто этому мешает. Об этом многие задумывались. Стругацкие были талантливы, честны и мужественны, плоды их размышлений воспринимались читателями как откровение. Они шли на шаг впереди – и каждый новый их текст отвечал на внутренний запрос читателей».

Шестидесятые годы были не только «оттепельными», но и бурлящими – страна мечтала о светлом будущем, молодёжь рвалась в космос, физики спорили с лириками...

И тут я позволю себе процитировать Андрея Столярова:

⁴ Цитируется по книге: Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда. – СПб.: Terra Fantastica, 2003.

«Аркадия и Бориса Стругацких обычно считают фантастами. По-моему, это не так. Они не столько фантасты, сколько выдающиеся мастера утопии. Ведь в течение всего XX века никто, кроме них, пожалуй, не смог создать мира, в котором хотелось бы жить. Антиутопий было сколько угодно, а вот “Мир Полудня” – один. Здесь, кстати, и проходит черта, отделяющая российскую литературу от западной. Там будущее – это отчаяние. У нас будущее – это надежда. Пусть слабая, почти неразличимая в нынешней темноте, но она всё-таки есть».

Увы! В новой России прекрасная Золушка фантастики с падением цензурных барьеров быстро сменила хрустальные башмачки на кроссовки и вышла на панель! Для фантастики закончились худосочные времена и начались «жирные»: лотки и прилавки ломились от гляцевых кирпичей детективно-фантастического чтива. Но об этом ли мечтали поклонники жанра? В семинар стали захаживать бойкие «кандидаты в члены» – они выкладывали перед Мэтром стопки своих книг и смотрели победоносно: вот, мы взяли литературного бога за бороду! Стругацкий хмуро переворачивал страницы с крупными буквами, обещал ознакомиться, и лицо его всё более мрачнело. Старейшины семинара все реже захаживали на обсуждения молодых задиристых коллег. Мэтр, как истинный учитель, не хотел никого обижать: «Проделана большая работа», – вздыхал он и пытался наводящими вопросами подвести автора к мысли: а зачем это написано?

«Можно выдумать всё, невозможно выдумать психологию! Учитесь у классиков, наблюдайте жизнь, люди должны быть людьми, а не манекенами, картонно-шаблонных героев не спасёт никакая фантастическая идея!» – не уставал повторять Стругацкий.

В солидной домашней библиотеке Мастера книг по фантастике было немного, а на стене висел чёрный чугунный барельеф Пушкина. Позднее рядом прилепилась ржавая веточка колючей проволоки – частичка сломанной Берлинской стены.

Фантаст Борис Стругацкий великолепно ориентировался в русской и мировой литературе, на своих семинарах никогда не произносил банальностей, его речь была изящна и умна. Многие уже оперившиеся авторы приходили на семинар только лишь затем, чтобы послушать Мастера.

Последние шесть лет Мэтр на семинарах появлялся редко, предпочитая узнавать о новостях по телефону – от своих учеников, оставленных на хозяйстве. Так повелось, что ведущим семинара в подавляющем большинстве случаев оказывался Андрей Измайлов, скорее, хороший прозаик и тонкий стилист, чем записной фантаст. Думаю, он еще напишет ироничное эссе «Семинар» или «В кресле шефа», как в свое время написал высокохудожественный отчет «Правда о Малеевке-83», после которого ему какое-то время приходилось ходить и оглядываться.

В 1997 году наш ЦСЛК учредил премию, призванную по-

ощрять литературную фантастику высокого уровня и в самом широком диапазоне – от Гоголя до Шекли, от Кафки и сказок Вадима Шефнера до Герберта Уэллса. Мы назвали её «АБС-премия» в честь Аркадия и Бориса Стругацких. Мэтр предвкушал, как премия будет стимулировать истинные таланты и тонким выбором книг воспитывать у дичающего читателя вкус к хорошей фантастической литературе... Что теперь из этого получится – покажет время.

Прах Бориса Стругацкого по его завещанию развеяли над Пулковскими высотами. Прах старшего брата Аркадия развеян над Москвой в районе останкинского телецентра. Но двойная звезда Стругацких не погасла – она светит всем, кто ищет добра и справедливости.

3. Герой нашего времени (Виктор Конецкий)

1

Честность в литературе и жизни – явление редкое. Сталкиваясь с ними, человек преображается. Не всем хватает силы следовать открывшейся правде до конца, но жить во лжи после таких встреч уже трудно – ты глотнул чистого воздуха истины. Виктор Конецкий дал миллионам людей такую возможность.

Иногда мне кажется, что некоторые писатели 1980–1990-х годов вышли не из традиционной гоголевской «Шинели», а из морских бушлатов и потертых кителей героев Виктора Конецкого. После его книг трудно было врать самому себе и халтурить.

Русская классика прошлого была школьным учителем. Проза Конецкого, едва появившись, стала бывалым другом. Такой живет в соседнем дворе и может рассказать о нашей жизни так, что тебе снова захочется идти на опостылевшую работу, а измена любимой девушки или потеря кошелька покажутся пустяком, недостойным внимания.

Учитель рассказывает, что есть жизнь; наставник подска-

зывает, как ею распорядиться. Конечский подсказывал, рассказывая. Книги Конечского в 1970–1980-е годы выхватывались из рук, воровались с книжных полок доверчивых хозяев, тихо «зачитывались» в библиотеках и поздней ночью привозились ослабевшим духом друзьям, как дефицитные пол-литра. В тюрьмах, больницах, студенческих общежитиях и в квартирах интеллигенции томик Конечского хранился как пайка хлеба, как упаковка заветного лекарства, как полный комплект шпаргалок старшего курса, как связка семейных документов, приготовленных к выносу на случай пожара. Уровень блага в глазах советского интеллигента определялся возможностью достать книги Конечского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.